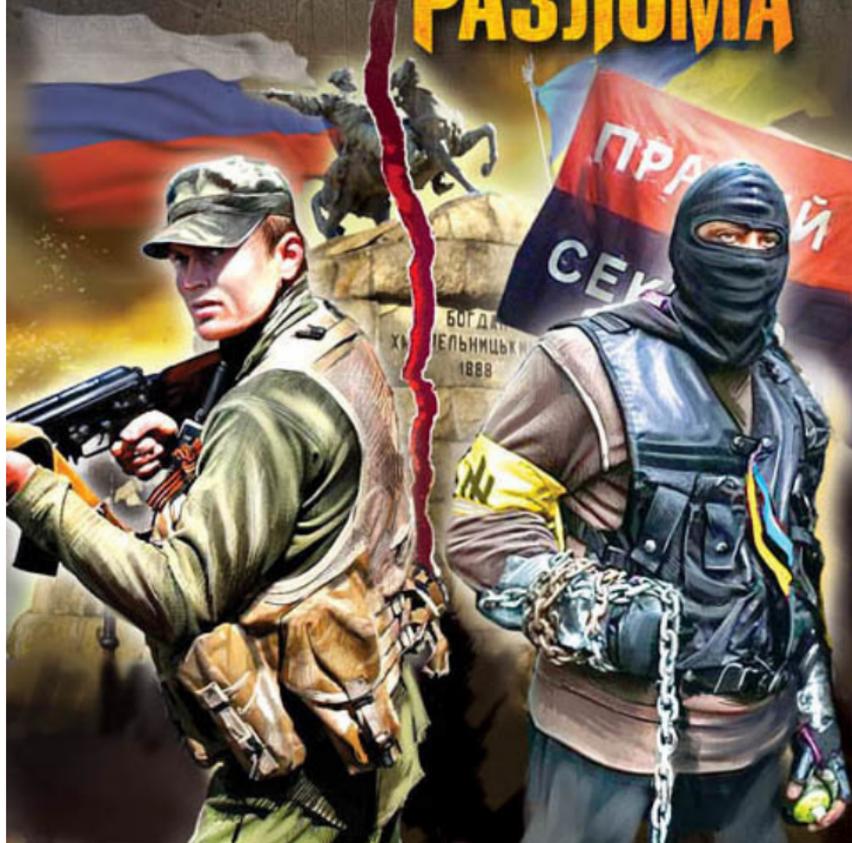

АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ

ЛИНИЯ РАЗЛОМА

Александр Афанасьев
Линия разлома
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»
Серия «Линия разлома», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8638948
Афанасьев, Александр. Линия разлома: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74824-2

Аннотация

2020 год. Украина – под властью нацистов. Русский язык – под строжайшим запретом, население вынуждают поклоняться Бандере и Шухевичу, а любое инакомыслие жестоко подавляется. Режим пользуется безоговорочной поддержкой Запада, который контролирует все природные ресурсы и остатки промышленности. Однако далеко не всем по нраву жизнь в бандеровском раю, да и миллионы беженцев по ту сторону российской границы стремятся любой ценой освободить свою родину от коричневой чумы. На Украине разгорается пожар партизанской войны, в которой вчерашние друзья и соседи оказываются по разные стороны баррикад. К тому же в игру

оказываются вовлечены могущественные внешние силы, которые решают перенести боевые действия на территорию России...

Содержание

От автора	7
Начало	10
Северодонецк. Бывшая Украина	15
Информация к размышлению	53
Россия, Астрахань	57
Несколькими днями ранее	95
Украина, аэропорт Борисполь	113
Зарисовки	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Александр Афанасьев

Линия разлома

*Как-то мне сегодня душно и хмуро.
Сердце ноет, не находит покоя.
Ночью снилось мне кровавое утро
И сгоревшее широкое поле.*

*Там дети воют, собираются в стаи,
Смотрят в небо, как забитые птицы,
Ждут ответа, почему умирают,
Ищут в панике знакомые лица.*

*Мы не оставим города свои!
Мы обязательно дойдем!
Нас крепко держат руки нашей земли!
Мы свои песни допоем!*

*Всюду пляшет запах страха и власти —
Запах зверя всем известной породы.
Он всех сжигает без разбора по масти,
Омывая кровью вечные горы.*

*Вместо сердца – смесь огня и железа.
Вместо воли – пожелание ада.
Но мы тебя вернем на прежнее место.
Для нашей веры и любви нет преграды.*

*Мы не оставим города свои!
Мы обязательно дойдем!
Нас крепко держат руки нашей земли!
Мы свои песни допоем!*

Декабрь. «Мы»

© Афанасьев А., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

От автора

*Ничто не забыто,
Никто не забыт,
Время настанет,
И каждый получит свое...*

Эту книгу, я уверен, на Украине запретят. Не уверен, что смогу издать ее и здесь. Но написать и опубликовать ее – необходимо. Чтобы все не просто знали, что происходит, а понимали, что может произойти и какая опасность угрожает нам.

Эта книга не про Украину, она – про Украину и Россию. Я знаю, что многие на Украине воспримут ее как антиукраинскую, особенно в свете того, что происходит в Крыму и в свете той позиции, которую я неоднократно высказывал, но это не так. Она не антиукраинская, скорее, наоборот. Антифашисты в Германии боролись не против Германии, они боролись против фашизма. Это попытка предупредить украинцев, раскрыть их глаза на то, какие силы рвутся к власти в их стране, что скрывается под лозунгами «Свободы» и «Правого сектора». Попытка предупредить о надвигающемся на их страну фашизме и заставить их наконец открыть глаза на то, куда их ведут. Пора понять наконец, что «незалежність» и «свідомість» не являются самоцен-

ностью, если они сопровождаются политическим балаганом, разрастающимся уличным хаосом и насилием, падением уровня жизни, непрекращающимся разграблением страны. Ни одна часть украинского общества, кроме элиты, не получила от независимости ничего хорошего! Только элита, лишившись контроля Москвы, получила возможность грабить свою страну беспрепятственно. Чем и занимается вот уже двадцать два года.

Я призываю каждого украинца задуматься – куда их везут все более оголтелые и нетерпимые политики. Чему учат в школах ваших детей и к чему приведет такая «наука». В какой бойне и за что они сгинут, если сейчас задорно кричат «москаляку на гиляку» и «кто не скачет, тот москаль» на школьном дворе. Какую судьбу уготовили стране те, кто чествует фашистских палачей Бандеру и Шухевича. Насколько хватит прочности страны, когда один за другим идут майданы. Правильно ли молчать, когда вокруг беснуются в ярости те, кто мечтает о братоубийственной бойне.

Несмотря на все что происходит, я все же верю в вас. Я верю в то, что нас не разлучит пролитая кровь, и Россия и Украина смогут существовать рядом друг с другом, помогая и поддерживая друг друга, чтобы выжить в жестоком и циничном мире, все более похожем на большую дорогу с грабителями на каждом шагу. Я верю и в то, что Украина может и дальше оставаться независимой. Тем, кто гово-

рит вам, что России нужна украинская земля, ответьте: а сколько земли не хватает самой большой стране мира? Нам не нужна земля, но мы не можем терпеть зарождающийся фашизм у нас под боком. Пришло время и вам решать – а нужен ли этот фашизм вам?

Александр Афанасьев

Начало Ростов-на-Дону Май 2020 года

Я, Соловьев Дмитрий Александрович...

Не, не так. Совсем не так. Что я – заяву, что ли, пишу?

Это – моя вторая рукопись, я так их и называю «рукопись А» и «рукопись Б». Первая охватывает период с две тысячи тринадцатого года по сей день, описывая те события, которые происходили на Украине и вокруг Украины в этот период. Эта рукопись практически не содержит моих личных наблюдений, особенно связанных с начальным периодом конфликта. Это компиляция из официальных документов, отношений, протоколов опросов беженцев и протоколов допросов бандеровских террористов, первые из которых появились на нашей земле пять лет назад. Кроме того – просто рассказы беженцев, записанные мной и некоторыми неравнодушными людьми в лагерях, которые составляют Белую книгу преступлений бандеровщины – украинского фашизма. Я пока не решил, давать ли ход этому материалу, в конце концов, большая часть этой книги – записи, собранные для Белой книги, и вряд ли правильно отнимать у людей их труд, публикуя это под моей собственной фамилией. Из оставшегося – часть материалов содержит тай-

ну следствия или государственную тайну – и разглашение их, мягко говоря, тоже нежелательно. Хотя я не нахожусь на действительной государственной службе вот уже много лет. Контора, к которой я принадлежу, негосударственная только по документам, на самом деле каждый из нас вполне отдает отчет, кто мы. Мы – опричники. Цепные псы государства. Выполняющие то, что решено в Кремле, как бы ни стучали при этом зубы у разной мрази. Но каждый из нас пришел туда, где он есть, своим путем и каждый сам знает, за что он борется. Я – за русских. Потому что я – русский. Мы – русские. И с нами – Бог. Это не пустые слова, кто бы и что ни говорил. По крайней мере – для меня.

Что касается рукописи Б. Эта рукопись о том, что происходит сейчас, написанная и от первого, и от третьего лица. Здесь собраны мои личные наблюдения и кое-какие заметки, информация о том, что происходит по ту сторону границы, полученная мною как от моих прямых источников, так и при обычном анализе уличных разговоров, информации и слухов с рынков, лагерей беженцев и пунктов оказания помощи.

Я не претендую на абсолютную точность описываемых мною событий, потому что всегда что-то ускользает от внимания, даже если ты видел это своими собственными глазами. Понятно, что и беженцы, а также те, кто ходил туда с понятными целями и вернулся обратно, не стопроцентно надежные источники. Но я и не ставил себе целью

написать некое историческое произведение. Для меня важно нечто другое.

Я знаю, что будет большая война. Она уже здесь, рядом, она дышит нам в лицо вонью горелой резины, солярки и человеческого мяса. Война между Россией и Украиной, точнее, между Россией и тем, что сейчас образовалось на месте Украины, это итог долгих тридцати лет ошибок, злонамеренных действий и просто исторической неизбежности. Я пишу эту книгу в помощь тем, кто пойдет воевать, я тоже пойду, но тогда ничем поделиться уже не смогу. Я хочу, чтобы каждый из нас знал, с кем и с чем имеет дело, и не обманывался лживыми заявлениями, что все нормально. Далеко не нормально. Более того – ненормально в принципе, в самой сути происходящего.

На той стороне границы – фашисты. Самые настоящие. Да, я понимаю, что там еще остались и нормальные люди, но с каждым годом властвования фашистской мрази их все меньше и меньше. Они уже кидаются на своих, расправляются с ними злобно, исподтишка. Если германские фашисты кидали своих противников в лагеря, то эти поступают подлее. Машина на красный свет, нож под ребра в подезде... и шито-крыто. Они слабы даже в том, что не могут открыто расправляться со своими врагами, но это не делает их менее опасными.

Больше семидесяти лет мы думали, точнее, мы позволили себе поверить в то, что фашизм не пройдет. Фашизм

больше нигде не сможет воцариться и влиять на судьбы людей. Мы думали, что урока сорок пятого года, урока крушения Третьего рейха будет достаточно для всех нас. Не столько даже для немцев, сколько для всех нас, ибо совершенно ясно, что рейх был не более чем тараном против СССР для определенных сил в мире. Последний раз – мы позволили себе грубо обмануться в конце восьмидесятых, когда решили, что если мы сложим оружие и снесем стену, то нас примут с распростертыми объятиями в западный мир, как заблудших сынов. Ошиблись – нас просто и банально ограбили как только могли. А потом, когда мы только оклемались, снова назвали вселенскими врагами.

Украина же прошла этот путь не один раз, а дважды. Первый раз – в составе СССР, второй раз – уже сама по себе как многонациональное государство. И добиласть-таки своего. Она была принята в Европейское сообщество, но не в качестве Украины, а в качестве убитого и вновь оживленного трупа, зомби. Единственная ценность которого лишь в том, что он долго не рассуждает и кидается ровно на того, на кого укажут.

Они прошли свой путь. Через унижения и потрясения, через безумие майданов и схидов, через гражданскую войну и бойню. Теперь – они на пути к своему последнему решению – к войне. Войне, которая погубит либо их, либо нас.

Я не знаю, останусь ли я в живых или нет, но эта рукопись увидит свет в любом случае. Я хочу сказать вам, как

говорили до меня: люди, будьте бдительны! Фашизм не побежден навсегда! Фашизм всегда рядом с нами. Он шепчет нам в ухо имена врагов и подталкивает нашу руку. И ты сам не замечаешь, как оказываешься посреди поля, залитого кровью.

Я знаю главное: мы готовы. Готовы мы, готов наш народ, готовы те пацаны в лагерях, которые ждут возможности вернуться на свою родную землю. Готов и я. И пусть Бог рассудит, кто из нас прав.

Северодонецк. Бывшая Украина

30 мая 2020 года

Бандеровщина

Земля – небо.

Между землей и небом – война!

Виктор Цой

Свой автомобиль – старенькую, но ходкую еще «Приору» – человек загнал за гаражи. Их здесь было три, самодельные. Два уже вскрыты. Сильно несло мочой, дерьмом – видимо, местные парубки использовали это место как отхожее. Правильно, а чего нет – по соседству дискотека. Тут же росли лопухи.

Человек огляделся. Четырехэтажное здание глядело на мир пустыми бельмами оконных проемов, никому не нужное. Последние жители оставили его пару лет назад, перебравшись в деревню, – там все-таки посытнее. На первом этаже был магазинчик – когда-то. Теперь там не было ничего. Только надпись – на серой побелке, уже почти слившаяся с мутным фоном стены, но все-таки различимая:

«Тут господарь украинец!»

Полумертвый город.

Человек огляделся, потом неспешно направился к дому.

Толкнул дверь подъезда, прислушался. Нет, никого. Он бы услышал.

Подъезд был старый, как и сам дом. Без лифта, кованые перила давно сняты и сданы на металлолом. Низкие потолки, неудобные ступеньки, облупившаяся штукатурка – интересно, когда это строили, это люди были такими низкими или на материалах экономили? Дверей тоже нет. Точнее – есть, одна. Стоит, издевательски прислоненная к стенке. И это хорошо...

Квартира была на четвертом этаже. Он зашел в коридорчик, сунулся в туалет – он был справа. С кухни – сочился яркий свет, его остатков было достаточно, чтобы различить надпись на стене, извещавшую всех о том, что «Люба – б...».

Надпись выглядела подозрительно свежей – на фоне общего упадка. Под ней – валялись два использованных презерватива, словно в подтверждение...

Человек снял штаны и присел. Долгий и богатый опыт научил его – не надо торопиться. Никогда не торопись. Враг на это и рассчитывает.

Зря они на нас полезли... ох, зря. Здесь стволов больше, чем голов по переписи...

Облегчившись и натянув штаны, человек прошел на кухню. Здесь каким-то чудом сохранился стол, он изучил потолок, стены. Встал на колени у стены, начал ковырять. Этот дом строился еще в те времена, когда не было центрального отопления – потому в конструкции дома были дымоходы.

Дверь у стены подсказывала, что все было нормально, надпись на стене и количество гондонов под ней – в какой квартире искать. То, что он искал, было на месте: зацепившись, он вытащил из бывшего дымохода длинный, под метр сверток: одеяло, тщательно свернутое и прихваченное для верности широким серым скотчем. Есть. Осторожно разрезав скотч, человек нашел там охотничий карабин «КО-СВД» с оптическим прицелом «ПУЗ,5» производства госзавода оптического стекла в Изюме, пистолет «ПМ» с самодельным глушителем, двумя запасными магазинами и две коробки патронов, к «ПМ» и к винтовке. Патроны к «ПМ» были барнаульские, гражданские, к винтовке – новосибирские, марки «Экстра». И то и другое его более чем устраивало.

Человек осторожно выглянул в окно. Поморщился от лозунгов, доносившихся с площади Победы, переименованной сейчас в площадь Героев. Героев УПА, конечно.

Бандера! Шухевич! Герои! Народу! Они! Воевали! За нашу! Свободу! Смерть москальским оккупантам! Слава Украине!

Бред полный...

Человек аккуратно поставил стол посреди комнаты. Стол был на удивление устойчивый, ни одна ножка не расшатана. Остатки скотча он приклеил на туго свернутое одеяло, чтобы не развернулось. Положил одеяло на стол, вмял по центру цевье винтовки.

Пойдет...

Из кармана он достал телефон. Старый на вид – какой и должен быть у Богдана Ивановича Захарчука, сорока шести лет, уроженца и жителя Лисичанска – города, что в четырех километрах от Северодонца. Но полностью рабочий и с кое-какими хитрыми программами, разобраться в которых не у каждого ума хватит. Набрав код, он активировал эмулятор радики, разница которого с обычной радией в том, что в эфире – переговоры просто так не прослушаешь. Прослушать можно через сеть, и слушают – но не тогда, когда с обеих сторон шифраторы.

– Второй – точка два – прибыл.

Слышимость была великолепная. Они опасались, что будут глушить, но дядя Витя по прозвищу Мудрый викинг презрительно сказал: «Эти... на праздник... глушить... да ни за что в жизни не будут...»

– Точка два плюс.

Есть... значит, эта с... а все-таки прибует в родной город. Высоко, ох высоко ты залетел, Андрий. Больно падать...

Не хотелось вспоминать. Как они ходили в школу... в один класс ведь ходили. Как потом разошлись их пути-дорожки. Тогда... в далекой и счастливой стране под названием «детство» они даже не знали, кто какой национальности. Только потом он узнал, что он – кацап и москаль, а Сенька Левитанский, круглый отличник, у которого все списывали, – жид. Спасибо, просветили...

То, чего мало кто понимал... он так и не научился нена-

видеть. Те, кто шел ему на смену... молодые волчата из приграничных беженских лагерей – вот они ненавидели. Люто. Зубами были рвать готовы. Для них на «нашей земле» – как называли эти места в лагерях – своих не было, были только враги. А для него – врагов не было. Он просто знал, что так, как живут сейчас, – жить нельзя. Никак, ни при каких обстоятельствах – жить так нельзя. И он восстанавливал ту, старую и давно умершую, запыленную сапогами, сгоревшую в попавшем в засаду и обстрелянном автобусе, тихо скончавшуюся в этом доме без окон – жизнь. Как мог...

Грубые, мозолистые пальцы справились с картонной, в цвет мореного дерева коробкой. В ней – своего часа ждали двадцать патронов, двадцать маленьких, золотистого цвета ракет, с длинными, с фланцем на конце гильзами. Он достал десять, начал неспешно снаряжать. Это была его винтовка, пристрелянная – он сам тренировался с ней под Ростовом и пометил меткой, известной ему одному. Остается надеяться, что те, кто ее перевозил, обращались с ней бережно и аккуратно. Впрочем, армейская винтовка может перетерпеть больше, чем спортивная, крепление прицела жестче, да и сам прицел – в свое время, его устанавливали даже на противотанковые пушки.

Тут господарь украинец...

Почему-то вспомнилась их самодеятельная команда КВН... они не пробилась в высшую лигу, но для города, в котором чуть больше ста тысяч человек, своя команда КВН

– она и есть своя. Он помнил, как они с Андреем – тогда он еще не бросался в драку от того, что его имя произнесли по-русски, – репетировали номер «под Штепселя и Тарапуньку» – и он тогда сымпровизировал, пошутил насчет чего-то... он так и не вспомнил ту шутку за все эти годы, хотя вспоминал не раз. И он хорошо помнил, как в глазах Андрея плеснулась обида... совершенно неожиданная. Он просто не ответил, повернулся и ушел из их школьного зала, ничего не сказав. И все как-то замолчали, пока Левитанский, признанный хохмач, совсем не похожий на зубрилу-отличника, не сморозил что-то.

Это был восемьдесят восьмой год. «Игла». Год Виктора Цоя. Неужели уже тогда – это было? Неужели – уже тогда???

Закончив снаряжать магазин винтовки, он набил оба магазина к пистолету. Ссыпал остаток патронов в карман.

Прислушался – с площади базлали.

Слава нации! Смерть врагам! Слава нации! Смерть врагам! Украина! Понад усе!

Било по нервам...

Он положил винтовку цевьем на скатку. Надо успокоиться. Не время и не место...

– Общая информация, всем на связь, – пробурчала рация.

– Первый, плюс

– Второй, плюс, – отозвался он.

– Третий, плюс.

– Четвертый, плюс.

– Пятый, плюс.

– Есть цель. Второй, работой по готовности.

– Понял. По готовности...

Прицел был с малой кратностью, но ему не привыкать к такому. Он видел изуродованную врагами площадь Победы, черно-красный флаг, машину, превращенную в импровизированную трибуну. У Державы – как эти твари называли то, во что они превратили Украину, было два флага. Официальный, сине-желтый, и неофициальный, как его еще звали, «вийсковый». Черно-красный, с золотым тризубом. Был и еще один вариант – с перекошенной, как будто от злобы, свастикой – его не вывешивали даже на мероприятиях «УНА-УНСО», но он сам видел два места, где не могло быть иностранных журналистов. Там он и висел – черный, красный, словно напитавшийся черной злобой и красной кровью, с паучьей свастикой.

В прицеле были видны люди на трибуне. Активно размахивающий руками, что-то орущий в микрофон Денис Тризуб. У него раньше была другая фамилия, но он сменил ее, отказавшись от отцовской, русской. Денис учился в другой школе – но он помнил его, городок-то маленький, все и всех помнили. Правее стоял Андрий – похудевший, с обильной сединой в волосах, в черных очках – не обычных, а стрелковых, понимающие люди знали, что это значит. Еще правее – стоял кто-то из комиссаров – полноватый, в очках. Приехал посмотреть на демократию в действии...

А вот левее – стоял интересный персонаж. Понтовые черные очки, редкая бороденка, черный берет. Чеченец. В прицел было почти не разглядеть черт его лица, но он знал, кто это такой. Берзаев Валид Салманович. Один из немногих оставшихся в живых участников банды Радуева, участник боя в Первомайском. Между первой и второй войнами – отправился в Европу на лечение, да так там и остался. Получил вид на жительство в Польше, осел в Белостоке. Польском городе на стыке границ сразу трех государств: Польши, Украины и Белоруссии. Пшеки, сами рехнувшиеся от ненависти к русским, предоставляли вид на жительство всем чеченцам, кто это хотел, – так чеченская община в этой стране выросла до двадцати тысяч человек. В Белостоке был такой квартал... он был застроен типовым панельным жильем, и там давали социальное жилье. Через несколько лет после того, как туда заселились чеченцы, по улице было не пройти не только ночью, но и днем – а потом начались погромы и массовые драки. Сам Берзаев собрал группу отмороzków и принялся за дела. Первоначальный капитал собрал, грабя водителей на дороге, рэкетирова перегонщиков, – перегонщики были не поляками, и польская полиция предпочитала смотреть в другую сторону. Потом Польша вступила в ЕС – и открылись большие возможности по контрабанде. Например, пачка поддельного «Мальборо», где табак смешан с резаным сеном, – при пересечении границы с ЕС делает десять-две-

надцать концов¹: такие в ЕС налоги на табак. Поэтому через границу табак потоком идет, то же самое со спиртным, со жратвой. Относительно честной контрабандой дело не ограничивалось. Как удалось узнать – в две тысячи десятом году польская полиция собиралась предъявить Берзаеву обвинение в торговле людьми. Но сверху поступил приказ прикрыть тему. Значит – уже тогда готовились. Уже тогда – знали, что будет.

Поскольку с другой стороны польско-украинской границы легко было найти таких же отморожков, только и мечтающих о «джихаде против России», – Берзаев стал часто показываться на Галичине, справлять вместе с галицями праздники – есть фотографии. То, что Берзаев мусульманин, причем радикальный – никого не смущало. Видимо, за Берзаевым подтянулись и другие – работать чехи никогда не любили, то ли дело инструкторами в лагерях – почет, уважение, гарные украинские дивчины, деньги на карточку капаят. Потом подключились и НАТОвские инструкторы, а Берзаев создал чеченский полк, самонадеянно назвав его «полк спецназа «Борз». И потом этот полк сильно дал о себе знать – одна николаевская резня чего стоила.

Теперь он среди галицаев носит звание «керивник», командует чем-то вроде исламского корпуса. А сюда приехал, чтобы покрасоваться на трибуне и парад принять вместе с евротолерантным комиссаром и местной бандеровской мра-

¹ То есть увеличивается в цене в 10–12 раз.

зью. И напрасно приехал...

Так... До трибуны триста тридцать метров, плюс– минус метр – это пробили заранее, лазерным дальномером. Снижение траектории для «Экстры» будет около ста двадцати сантиметров, это примерно две трети человеческого роста, чуть больше. Ветра нет – и за то спасибо. Может гулять между деревьями, но на пулю винтовочного патрона на такой дистанции такой ветерок не повлияет. На крайний случай – можно будет повторить – винтовка самозарядная...

Ну, что, сынку? Помогли тебе твои ляхи...

Палец дождал спуск...

Тридцатое число на Украине официальный праздник. День героев.

Двести подростков, от роду пятнадцати лет – старший возраст «дороста» – подростковой организации «УНА-УНСО», существовавшей еще в сороковые годы прошлого века. Сегодня – их принимали в войсковую организацию «УНА-УНСО»...

Их новый проводник² Роман Шлях – фамилия была явно вымышленной – толкал зажигательную речь. Микрофоны захлебывались, хрипели...

– ...Вы должны помнить, что наш главный враг был, есть и будет Москва! Пока стоит Москва, пока в Кремле заседают вороги – не будет покоя никому! Ни украинцам, ни кавказ-

² Проводник – глава провода, основной боевой единицы «УНА-УНСО».

цам, ни прибалтам, ни белорусам!

Сам Берзаев в это время с важным видом стоял на трибуне и героически старался не зевнуть. Прошлой ночью они разместились в какой-то «гостювальне», как тут говорят, – Берзаев так и не выучил ублюдочный, по его мнению, местный язык, общаясь на хорошо известном всем русском, – и ему, как дорогому гостю, подарили клевою местную дивчину. С ней он вымотался изрядно – полтинник уже стукнул, не мальчик – и мог бы вообще не идти на парад. Но Берзаев пошел. Во-первых, он обещал, что пойдет, и не местным, а кое-кому покруче в Киеве, ему надо было оценить местную обстановку. Во-вторых, как и все кавказцы, Берзаев обожал показуху и никогда бы не отказался стоять на трибуне, даже если это был бы, к примеру, съезд животноводов.

– ...Москва никогда не смирится с нашей волей! Вы должны помнить, что воля добывается только кровью! Так восстаньте! Порвите кандалы! Окропите святую украинскую землю лютою вражьей кровью! Вражьей! Не своею!

Что-то хлестко щелкнуло... такой звук издает попавший в стекло, но не разбивший его камешек – и Берзаев начал тяжело наваливаться на борт грузовика, обильно кропя знамя кровью.

Еще щелчок, почти без промежутка с первым – и выступающий с трибуны проводник начал падать назад, инстинктивно поднимая руки к горлу в последнем осознанном движении, как это сделал президент Кеннеди в тот злополучный

день в Далласе.

– Стреляют!

Андрей Брыш, керивник «штурмового пидроздила», уже падал назад, он не раз слышал то, что слышал сейчас, и знал, что в таком случае надо не прыгать, а падать, это быстрее. Падая назад, он почувствовал, как пуля прошла совсем рядом, и обостренным слухом услышал, как она ударила в кирпичную кладку – до того как сам тяжело грохнулся об асфальт за грузовиком, да так, что искры из глаз.

Еще кто-то упал рядом – тяжело, как мешок, живые так не падают. Взревел мотор тяжелого «КрАЗа», это привело его в чувство, если водила запаниковал, то он запросто раздавит колесами их всех.

Он перевернулся – как кот через спину – и встал. Мельком заметил мертвые, как у снулой рыбы, глаза комиссара – его они знали как Бориса и знали только то, что никакой он не Борис. С ними он был уже больше двух недель, все время вынюхивал, снимал на камеру и брал координаты по GPS. Прогнать они его не могли – приказ сверху.

Едва не упав, он оказался у кабины, вскочил на подножку, рванул на себя дверь. Водила был местным, совсем молодым – видимо, «поход за единостью» застать не успел. Или так в тылах прокантовался. Глаза – как чайные блюдца, рука на коробке.

Идиот...

– Глуши мотор и слезай, – сказал Андрей, – давай, хлопец.

Вытащив за шкуру водилу, он спрятался за высоченным моторным отсеком. Что-то ему подсказывало, что снайпер ушел, но окончательно быть уверенным нельзя было ни в чем.

– Слава Украине! – заорал молодой стрелок рядом и уже хотел выскочить с автоматом наперевес из-за машины, когда керивник ухватил его за шиворот и рванул назад.

– Заткнись, идиот! За машину ни шагу!

Где-то на углу площади протарахтела длинная очередь. Люди с криками разбегались.

Брыш достал телефон, натыкал номер:

– Тарас, слушай сюда! Мы на площади, по нам снайпер работает. Откуда-то с Гвардейского, не вижу откуда. Поднимай людей, блокируй выходы на Боровое и на Артемовск. И «Скорую» сюда захвати...

«Скорая» прибыла через двадцать минут, со «Скорыми» сейчас была напряженка. Вместе со «Скорой» прибыли хлопцы из пидроздила, на двух пикапах и «Крузере». Глядя на них, Брыш про себя выругался русским матом... матерились здесь только по-русски. Немае базара, лучше тут героев из себя строить, чем изображать из себя мишени в стремной охоте на снайпера, который наверняка попытается выйти из города... если уже не вышел.

– Какого х... дровичесь! – заорал керивник. – Расчищайте дорогу, в больничку поедем!

Чеченец был ранен довольно тяжело, но держался. В руку, с раздроблением кости. Сейчас он сидел за машиной с наско-ро перетянутой жгутом конечностью и шипел сквозь зубы:

– Я их маму, их папу...

Стрельцы быстро подхватили его и повели в «Скорую».

– Пан керивник, а этих куда?

– Б... в багажник! Шевелитесь!

Конвоем из четырех машин, считая «Скорую», они рванули в Луганск, там, на окраине, была единственная лучшая больница на Шляхе³. Гнали на полной, проскакивали на красный, когда не уступали дорогу – палили в воздух. Хорошо, машин было немного – бензин сейчас очень дорогой, мало кто может себе позволить.

На выезде из города напоролись на пробку. Строча из автоматов, начали пробиваться... автоматных боеприпасов было вдоволь, это с пулеметными и снайперскими была проблема. В голове пробки – стоял бронетранспортер, усердные хлопцы шмонали машины. Кого-то тут же, на обочине, лениво месили ногами...

– Пан керивник! – Тарас, один из проводников его пидроздила подскочил, лихо отрапортовал: – Несем караульную и заградительную службу, проверяем всплошную, задержано четверо подозрительных! До выяснения!

³ Этот район так и назывался «шлях» по названию Бамутского шляха и был стратегически важен для обеих сторон конфликта.

Идиот... Если бы это был тот снайпер – а он подозревал, кто это был, – ты бы с дырой в башке тут лежал.

Впрочем, часто все горе – от ума, как говаривал Грибоедов. Так что Тарас – очень даже на своем месте. Ему мало надо. Вон, немцы стволов подкинули – так он теперь вместо «Калаша» – с короткой «G36» красуется, как натовский рейнджер. Хотя немцы от этой винтовки отказались, потому что при интенсивном ведении огня у нее пластиковую коробку вести начинает, и начинаются клины. Вот и спихнули сюда – возьми, Боже, что нам не гоже. И патронов к ней дешево не купишь, а запасных магазинов и вовсе хрен найдешь. А дураку – все в радость.

– А этот, – Андрий кивнул на обочину дороги, – тоже подозрительный?

– Та ни! – Тарас улыбался широко и открыто, показывая, что и скрывать ему нечего, и в голове одна извилина, и та прямая, имея вид лихой и придурковатый, точно по артикулу Петра Первого. – Це жид. Жадный, гнида...

Ох, придурки...

– Пропусти нас, – сухо сказал керивник, – неси службу, пока не сниму.

– Есть.

Проскочив по так до конца и не восстановленной дороге, они вломились в Луганск, почти четырехсоттысячный город на самой границе, последний центр относительной цивили-

зации от границы. Некогда почти полумиллионник, сейчас город ужаслся, считалось, что там почти четыреста тысяч жителей, но по факту – хорошо, если число это достигало трех сотен тысяч, и то если считать с пригородами и теми, кто жил в окрестных селах и приезжал в город работать или торговать. Крайние бои во время Единения⁴ сильно потрепали город, до сих пор не все было восстановлено. Да и ловить теперь в городах было, в общем-то, нечего: города были каменными ловушками. Жаркими летом, выстуженными морозами зимой, без работающей промышленности. Центром жизни любого города был рынок. Королями – контрабандисты. Несмотря на блокаду – через границу таскали все, что нужно, в обе стороны. Туда – в основном спирт, в России очень дорогой, перегоняли подержанные машины из Европы, чтобы толкнуть на кавказских развалах. Оттуда – жратву, лекарства, кое-какую одежду и обувь. Жизнь продолжалась.

Бывшая Луганская областная клиническая больница представляла собой здоровенное, построенное по типовому советскому больничному проекту здание цвета... ну, неважно, какого цвета, тем более сейчас, когда на большей части стен были видны следы от пуль и черная копоть рвавшегося из окон огня. Она располагалась на улице «Пятидесятилетия обороны Луганска», сейчас переименованной в улицу «Семидесятилетия УПА». Когда-то больница была окруже-

⁴ Единение, поход за Единостью – название событий по силовому захвату фронтующих областей юго-востока ударными отрядами «УНА-УНСО».

на зеленом поясом, высаженным еще при ее строительстве. Сейчас деревья вырубili на дрова, и вокруг больницы было голо и пусто, что навевало скорбь и тоску о прожитом и не произошедшем.

Украина, Украина... Кто же знал, что все так будет... И ведь даже не скажешь, в чем ты конкретно ошиблась? Разве виновата ты, что твой народ оказался не таким циничным и недоверчивым, как русские, – и с готовностью откликнулся на призывы всякой мрази? Пока русские строили свое будущее – ты его искала.

И не нашла...

Матерясь, из больницы вытащили каталку и врача – за шиворот. Тот осмотрел чеченца, коротко бросил – в операционную. Каталку покатали в здание...

Керивник отошел чуть в сторону, с усмешкой посмотрел в небо. Небо-то какое хорошее... синее, распахнутое, бескрайнее. Несущее опасность. Он знал, что за ним скорее всего следят... русские БПЛА, которых здесь звали «прутни»⁵, постоянно отслеживают все приграничье. Раньше были только разведывательные – теперь есть и ударные, их все больше и больше. Он знал, что русские, несмотря на подписанное на самом высоком уровне Хельсинкское соглашение об урегулировании, не отступят, не забудут, не простят... русские вообще ничего не прощали и не забывали, для них то, что произошло двести лет назад, – произошло как будто вчера.

⁵ Прутьень – половой член (укр.).

Придут... обязательно придут, как всегда, не сами. Первыми пойдут беженцы с лагерей, выпестованные, обученные, вооруженные, усиленные казачьим ополчением... а за ними уже и танки, и шмели⁶. Но и они готовы теперь их встретить. Наконец-то не осталось на Украине дураков, которые верят, что русские – друзья. А народ, который един и который верит, невозможно покорить. Его можно только уничтожить...

Повинуясь неосознанному порыву, керивник показал небу вытянутый средний палец, затем достал сотовый, натыкал номер. Телефон молчал.

Трудно было ожидать иного.

Он вызвал «отправить СМС», натыкал всего одно слово на русском – «почему?». Отправил.

Он был профессионалом и понимал: за редким исключением против снайпера приема нет. Снайпер, вооруженный «СВД», имеет два-три гарантированных выстрела прежде, чем кто-то что-то начнет соображать... вот почему, кстати, «СВД» не меняли ни на что другое, даже на «Штайры» или «Тикки», которые присылал ЕС. Два-три выстрела – а дальше уже поздно, дело сделано. Снайпер обычно уходил, растворялся, как сомяра в черноте стоялой воды озерного болотца, и за редким исключением взять его не удавалось. Он не сомневался в том, кто стрелял, и не сомневался в том, что, случись им встретиться лицом к лицу, в живых не останется

⁶ Шмель – на жаргоне название любой единицы штурмовой авиации от ударного БПЛА до бомбардировщика «Су-34».

ни один из них. А может, и оба. Прощать им друг друга не с руки, слишком много крови меж ними.

Тогда почему он не воспользовался шансом? Зассал?

– Пан керивник...

Андрей не глядя взял промасленный кулек с пирожками, прислонился к борту машины. Автомат больно ткнулся в бедро, он раздраженно поправил его. В отличие от многих «митингувальников-протестувальников», перекрасившихся в защитников ридны неньки и взявших в руки оружие, керивник сохранил здравый смысл и абы на что не кидался. Считалось, что использовать «АК» «не державно» – и он постоянно носил укороченный «Uz58», заменив цевье на венгерское и с магазином на двадцать патронов. Простой, прочный, точный – даже, наверное, точнее «АК» – совместимый по патрону – чего еще надо. Хотя в машине он держал и «семьдесят четвертый» «АК» с подствольником – трофейный, на добрую память...

В небе перекликивались, пели птицы.

Что теперь? И вообще – какого хрена произошло? Просто теракт, напоминание о себе или что-то еще. Одно ясно: русские их в покое не оставят уже никогда. По ту сторону границы больше миллиона беженцев призывного возраста в лагерях – и это не считая казаков, нацистов, сил спецназа, которые делают свое дело. Русские будут ждать, им можно ждать. Год, пять лет. Десять, но они своего дождутся. А вот им – ждать нельзя.

Надо качнуть вместе. Украина, Кавказ, Грузия, Прибалтика, Беларусь. Разом и со всех сторон – до полной победы. Все должны понять – пока существует Россия, жизни никому не будет. Россия – это черные кресты штурмовых самолетов в прорехах затянутого дымом неба, цепкий взгляд офицера спецназа в прорези маски, зловещая непреклонность единства – русские могут быть порознь по жизни, но как только приходит пора рвать кого-то – все разом в едином строю. Россия никогда и никому не даст жить так, как он хочет. Или мы их или они нас – не мы так поставили вопрос. Видит Бог – не мы...

На сборе им запретили предпринимать какие-либо действия, пан Димитро очень доходчиво объяснил всем, что будет с каждым из них за любую провокацию. Русские только и ждут, чтобы кто-то ступил на их землю, – чтобы двинуться вперед. Но новый мир – многомерен, и везде можно найти друзей. Если они договорятся с чеченами...

Какая-то мысль металась в голове... но он не мог ухватить ее, подобно тому как человек не может ухватить скользкое тело бьющейся на берегу рыбы, выброшенной из сети. Он сосредоточился... но тут справа грохнул одиночный пистолетный выстрел – и стало совсем не до мыслей.

Три внедорожника – самых разных, от новенького «крузака» до старого китайского «Хувера» – стояли у главного входа в больницу. На одном из них на антенне красовался зеленый флаг.

Чеченцы...

Керивник сделал знак – и все свободные стрелки сгрудились вокруг него. Поддержка не помешает, чеченцы⁷ понимают только силу.

– Что происходит?!

Чеченцы, разбирающиеся с охраной больницы, повернулись и увидели вооруженных людей за спиной.

– Где Валид?! – заорал один из чеченцев. – Что вы с ним сделали, с. и!

– Не ори на меня, – мирно посоветовал керивник, – а то заболеешь.

– Что? Чем? – опешил чеченец и подозрительно оглянулся. Видимо, больница как место непривычное внушала ему подсознательный страх.

– Сотрясением мозга. Валид наверху, ему операцию делают. Ты кто?

– Я его брат, – немного успокоившись, сказал чеченец, – что произошло?

– На митинге по нам снайпер ударил. У нас тоже двое убитых, и меня чуть не подстрелили.

– А... шайтан... твари... русисты. Мне пройти надо.

⁷ Украина того периода стала прибежищем для огромного количества боевиков и террористов: тех, кто бежал с Кавказа, тех, кто уехал в Европу, но не оставил мысли отомстить русским, тех, кто уехал на джихад в Сирию и не мог вернуться, не попав в тюрьму на десять лет, татарских и башкирских ваххабитов. Всех их звали чеченцами вне зависимости от национальной принадлежности, слово «чеченец» стало синонимом слова «ваххабит» в России.

– Сдай оружие и проходи, – сказал керивник, – только не шуми. Больница.

Чеченец резко махнул рукой, первый сбросил с плеча ремень автомата...

Керивник, убедившись, что чеченцы подчиняются, шагнул в сторону, доставая телефон. Надо прозвонить в Киев...

– Ни... Ни... Та шо тут, думай не думай...

Наверху – глухо и резко грохнуло, это не было похоже ни на взрыв, ни на выстрел одновременно. У керивника защемило сердце... он ухватил ту мысль, которая не давала ему покоя все это время. Да только поздно было...

П...ц всему!

– Тимош, блокируй все выходы! Тормози всех! Трое со мной! Пошли!

Хлопнулась об пол ополовиненная бутылка со сладкой шипучкой, покатила, расплескивая пену, руки подхватили автомат. Трое уже бежали за ним... штурмовой отряд есть штурмовой отряд, у них не только офицеры подготовку проходили, а все до единого. Наверное, поздно, только проверить все равно не мешает.

Пинок по двери – лифтом пользоваться смертельно опасно. Если в больничке спецназ – лифт наверняка заминирован.

– Чисто!

Трое проскочили внутрь, он прошел четвертым. Посто-

янно меняясь – один блокирует направление, трое проходят вперед, елочкой, как в международном европейском центре подготовки спецназа под Братиславой, они проскочили на третий этаж – там теперь были операционные.

– Дверь!

– Проверь!

Надо осторожно – с той стороны могли поставить растяжку. Или даже просто оставить «подарок» – гранату с выдержанной чекой в тонком хрустальном бокале. Пнул дверь, полотном ударило, бокал разбился... и приехали.

– Чисто!

Проскочили в коридор, разбились на штурмовой порядок – ромбом, только без пулемета⁸. Пошли вперед, вышибая все двери по очереди. Тянуло дымом, впереди что-то кричали, грохнули один за другим два выстрела. Угол.

– Чисто!

– Чисто! Контроль!

Снова поменявшись номерами – керивник оказался впереди, на самом острие, – рванули вперед. По центру коридора – дым, какое-то месиво, вынесена дверь, стекло напротив все забрызгано чем-то бурым, месиво настоящее. Даже непонятно, что произошло... похоже, взорвалась растяжка или что похуже. Керивник даже подозревал, что именно, – москали научились делать мины направленного действия из

⁸ Один – два – один. На острие желательно иметь стрелка с пулеметом, который сможет непрерывным огнем сбить атаку в случае чего.

охотничьих патронов. Берешь доску и сверлишь отверстия, или отливаешь нужную форму из цемента или даже из пластика, из чего угодно. Рядком вставляешь патроны двенадцатого калибра, их достать – раз плюнуть. Иногда такие штуки – на пятьдесят патронов делают. Потом – цепь. Детонатор. При активации все взрывается одновременно и косит картечью все, что перед тобой... они не раз нарывались на такое при зачистках. Если все правильно сделано и поставлено – можно разом несколько человек вынести. Шансов выжить при подрыве почти нет, свинцовая картечь, на куски рвет...

В помещении операционной дико орали.

Керивнику одного взгляда хватило, чтобы понять, что тут происходит. Один из врачей лежал на кафельном полу операционной, вокруг головы – растекалась лужа крови. Чечен тыкал пистолетом в лицо второго и что-то орал на своем. В углу – съезжившись, сидела медсестра, ее не развязали...

Спецназ, больше некому. Чечен и был целью, только приказ был – не убить, а ранить. Изначальный приказ был – взять живым, но взять было невозможно без бойни. Немае базару, спецназ никогда не останавливался перед бойней, устроили бы засаду на дороге, врезали «Шмелями», потом бы пошли на добивание – но чечена надо было брать живым, это было обязательное условие. А в засаде – он наверняка погиб бы. Тогда сделали по-другому. От какого-то стукача узнали, где они будут, и вывели на позицию опытного снайпера. Чечен был обязательной целью, но приказ был только

ранить, остальные – на усмотрение снайпера. Точно так же – они просчитали, в какую больницу они рванут – в Луганскую. И здесь – сделали засаду. В Луганске тех, у кого на той стороне родные в лагерях, – половина. Обратились, попросили помочь. Когда чечена ввезли в операционную – через другую дверь зашел спецназ. Тихо и мирно – повязали врачей, взяли чечена и ушли через другой выход, оставив на двери алаверды – самодельную мину направленного действия. Скорее всего, они уже ушли – времени им было более чем достаточно. Врачи в белых халатах, со «стечкиными» в чемоданчиках, скорее всего группа прикрытия и пара снайперов на периметре... так вот почему ему казалось, что за ним следят. Машина «Скорой». Они уже ушли, сто пудов. Ловить больше нечего. Сделали, что хотели, и ушли.

Р-р-р-р.... Зубами бы рвал...

– Витя, Тарас – дверь! – отдал приказ керивник. – Посмотрите, что там! Идите до низу!

С...а. Как он не подумал, что в операционных всегда не одна дверь.

– Есть! – Двое хлопцев рванулись вниз, хлопнув дверью.

Чечен в ярости щелкнул пистолетом.

– Э! – Керивник ловким движением отбил ствол от головы врача и тут же приставил к голове чеченского подонка свой чешский двадцатизарядный «СZ». – Ты чо тут творишь?

Мутная злоба поднималась изнутри... на опоганенную навсегда свою землю, на свою глупость... русские, как всегда

– обвели вокруг пальца, сделали, что хотели, – и ушли... на этого гортанного бородатого ублюдка, который считает себя тут хозяином. Во что же ты превратилась, Украина...

Чеченец что-то орал и брызгал ему в лицо слюной – Андрей вдруг почувствовал, как от него воняет... нечищенные, гнилые зубы, пот, вонючая борода. Звуки, которые он издавал, прорывались местами, как будто радио с помехами, их сложно было соединить в нечто понятное. Проскользнуло знакомое: я твой мама е... – и керивник дожал спуск.

Оглушительно грохнуло, что-то горячее и мерзкое брызнуло в лицо, чеченец кулем повалился под ноги, рядом с расстрелянным им врачом, а керивник, забрызганный кровью, навел пистолет на чеченов, вскинувших свои автоматы.

– Убивать врачей, – отдельно сказал керивник, звуки вернулись, и он слышал и себя, и что происходит, – харам.

С коридора с гулким топотом в операционную ворвались еще бандеровцы.

Вернувшиеся со второго выхода хлопцы подтвердили то, что и следовало ожидать. Второй выход вел к грузовому лифту, на котором можно было спуститься прямо в подвал. От подвала выезд вел прямо на трассу дорогой, которую плохо было видно от центрального входа больницы. Схваченные и допрошенные по горячему врачи и медсестры вспомнили, что видели несколько незнакомых мужиков и две отъезжающие машины, одна из которых была каретой «Скорой», а

другая – то ли пикапом, то ли внедорожником – говорили по-разному. На выезде их, конечно, никто не проверил и не остановил...

Бойни между украинцами и чеченцами удалось избежать только за счет подавляющего превосходства первых – хотя чечены, занятые контрабандой и приграничной торговлей, начали собираться, и ничего хорошего это не сулило.

О случившемся доложили в Харьков – и через час с небольшим в небе загрохотал винтами вертолет. Это был «Блекхок», польского производства, совсем новый, один из нескольких, тайно поставленный на Украину в обход санкций. Их было передано всего несколько, гораздо больше передали «Хью УН-1» из наличия Национальной гвардии США. Но «Блекхок», обтекаемая, стремительная птица – полагался только очень влиятельным людям.

Прибыл Дорош. Генерал – русские все звания «УНА-УНСО» писали в кавычках – «генерал», главный референт референтуры ОВД⁹ в Харькове, едва ли не более влиятельный человек, чем Митько, проводник харьковского Терена¹⁰. С

⁹ Отдел внешней документации – структура, занимавшаяся разведкой и подрывной деятельностью «в интересах» Украины, а также связями с зарубежными спецслужбами, украинскими диаспорами, переправкой собранных средств им, оружия, а также направлением молодых боевиков «УНА-УНСО» на подготовку в Эстонию, Литву, Словакию и Боснию, в тренировочные лагеря НАТО.

¹⁰ На Украине этого периода существовало две параллельные власти. Одна – официальная: президент, Рада, суды, городские и областные головы (главы) и неофициальная – власть «УНА-УНСО». «УНА-УНСО» контролировала подростковое воспитание (дорост, юннацво), вела агитационную работу, устраивала

ним прибыли несколько спецов, обмундированных по стандартам НАТО и с НАТОвским же оружием, они рассыпались по периметру вертолета, внушая страх своими шлемами с прозрачными стеклами – последний писк, больше ста штук зелеными стоит.

Брыш стоял у «Крузера», жадно глотал пиво. На лице ссохлись, застыли, стянули кожу кровавые брызги, но он не торопился их отмывать. Автомат лежал рядом, на капоте, со снятым предохранителем.

Дорош подошел от вертолета – они были лично знакомы, немало натерпелись вместе. Трое охранников, что были с ним, профессионально прикрыли, Дорош забрал из пальцев керивника недопитую банку, одним глотком допил ее и бросил под ноги. Банка жалобно хрустнула под каблуком...

– Щас мангруппа подойдет – сказал он обыденным голосом, – четыре БТРа. Давай, докладдай, шо тут робытся.

Керивник, уже осоловевший, расплескавший свою злобу, несколько нескладно доложил, не забыв, впрочем, упомянуть все основные моменты произошедшего сегодня. Говорили они на русском с вкраплениями украинских слов – чисто по-украински говорили только на политических меро-

этнические чистки. По факту она контролировала страну, так как большая часть чиновников входила в УНС, Украинский национальный союз, – что-то типа закрытого ордена украинских националистов, решения которого обязательны для исполнения всеми его членами, а выход – только вперед ногами. Аналог такой системы есть в Иране – там параллельной властью является Корпус стражей исламской революции.

приятнях и «сходах». Несмотря на тридцать лет независимости украинский был бедным языком, многие слова на нем приходилось подбирать, в то время как на русском говорилось свободно, без запинки и напряжения, слова сами подбирались.

– Це хреново... – подытожил Дорош, – сейчас с чичами совсем не в жилу ссориться. Добро, у них тоже старшие есть, с ними надо говорить, не с этими имбецилами. Говоришь, они врача кончили...

– Да.

– Це хреново.

Все понимали, что чечены перешли грань, – врачи были неприкосновенны. Русские тоже их не трогали.

– Что сделано, то сделано.

Дорош достал из кармана понтовый по нынешним временам «Парламент», бросил одну в рот. Керивник качком головы отказался.

– Снайпер, как думаешь, кто?

– А сам как считаешь?

Оба они понимали без слов – кто мог быть снайпером.

– Он наглеет.

– Ему шо. Тут, считай, каждый второй на нас озлился, злобу затаил. Здесь он как дома.

– Он и есть дома.

– Да...

– Нам надо продержаться двадцать лет, – референт повто-

рил слова Львовского сбора, – пока не народится поколение, для которого Краина не мачеха, а мамка родная. Потом нам ничего не будет страшно.

Да... Вот только с той стороны границы, в лагерях и на съемных квартирах тоже рождается поколение. Для которого Ненька не мать, не мачеха – а смертельный враг. Которого надо любой ценой уничтожить. На той стороне назвать человека бандеровцем – все равно что плюнуть в лицо.

– Да.

Референт смял недокуренную сигарету в пальцах.

– Тебя ни в чем не обвинят. Работай.

В ворота больницы с ревом заруливали бронетранспортеры.

– Как работать? С этими?

– Я сказал, с этими разберемся, – жестко повторил референт, – у них хозяйева есть. Надо будет, они к тебе на коленях приползут, понял?

Бойцы мангруппы рассредоточивались у подъезда больницы, со входа – пошли смурные чеченцы, своих убитых они закатали в ковры и несли с собой – по мусульманским традициям надо похоронить до заката. Один из них, увидев керивника, стоящего у машины, поймал его взгляд, провел пальцем по горлу. Керивник схватил автомат, но Дорош перехватил его руку, не дал...

– Но-но. Соображай...

Берзаеву было страшно. О, Аллах, как ему было страшно...

Ему не было так страшно, когда он сопливым еще пациентом попал под атаку русских, тогда он впервые увидел танки и понял, что танк из автомата не подбить. Ему не было так страшно, как тогда в Первомайском, когда по селу начал бить «Град» и они все поняли – русским плевать на заложников, они не допустят повторения того, что произошло в Буденновске, и им плевать, что за это придется отдать, даже если все заложники погибнут, даже если все село придется сровнять с землей «Градом». Ему не было так страшно, когда они пошли на прорыв позиций русского спецназа, – выскочить тогда удалось очень немногим. Ему не было так страшно, когда он повстречался в Вене с одним своим односельчанином, тоже беженцем, а наутро узнал, что его расстреляли неизвестные в подъезде... никто не сомневался, откуда пришли киллеры и что всем этим они хотели сказать всей чеченской общине, обитающей в Европе. Ему не было так страшно в Николаеве, когда вместо ополченцев на позиции оказались русские морские пехотинцы.

Но сейчас – ему было страшно.

Обдолбанный обезболивающим и анестезией, он не сразу понял, что произошло. Пришел в себя, только когда они ехали в какой-то микрашке с высоким потолком. Он попытался вспомнить, что произошло, но мысли были какими-то путанными.

Потом он увидел над собой рожу русского и тем самым, выработанным тремястами лет борьбы, чутьем понял, что перед ним – русский.

– М-м-м...

Голос доносился, как из соседней комнаты.

– Пришел в себя, с...а.

– Не трогай его.

– Да, есть. А правда, что он с Радуевым был, тащ капитан?

– Хрен его знает. Может, и был. Он в Европе много паша.

Старый волчара...

– Мить, дорогу кто сечь будет – Пушкин?

– Ага, понял...

– Да не «ага», а «так точно». Военный.

И чеченец почувствовал то, что он не чувствовал уже давно – страх.

Потом они тряслись по какой-то дороге, и тряска вызывала сильную боль, а потом заехали под какую-то здоровенную крышу, его вытащили и поставили носилки рядом с огромным и грязным колесом полноприводного грузовика.

Послышались шаги.

– Здравия желаю... – Голос был совсем не командный, не военный, скорее глумливый. – Это шо за фрукт тут?

– Чечен, с..а.

– О. А шо он тут забыл?

– Это ты в Киеве поспрошай, – другой голос, явно одного из русских

– Боб, завали. Резко.

– Есть... – недовольный голос.

– Значит, так, конвой пойдет под белорусами, с их команданте уговор есть. Веди себя, как обычно, – нагло, уверенно, ничего не бойся. На всякий случай – на КП во время прохождения конвоя будут шведские инспекторы, если что – поднимай шум, ори во всю глотку. С нашей стороны будет два лишних бэтээра, из охраны ооновцев, в них вованский спецназ¹¹. Они тоже в курсе, если что – подсобят, чем могут.

– Ой, мне аж страшно.

– Не ссы, Капустин. Как пройдете границу, иди до самого Ростова, там к кому обратиться – знаешь. Так. Дима, мля, чо встали? Особое приглашение нужно? Носилки схватили – и в машину. Резко.

– Тащ командир. Надо ему промедола ширнуть.

– Обойдется. Ширни его ксилазином, и пусть едет.

– Загнется.

– Ничего. Крепкий, гад.

Ксилазин в отличие от промедола не обезболивал, а только обездвизивал.

Чеченцу сделали укол. Потом носилки подняли и засунули в машину...

Кубинец уходил другим путем.

Конечно же, он не рванул к границе, ищи дурака. Наобо-

¹¹ Вованский спецназ – спецназ внутренних войск.

рот, он рванул в глубь Украины. Вряд ли кто-то мог об этом подумать – и он спокойно ушел из города, даже захватив с собой винтовку.

У одного из бывших колхозов, ныне заброшенного, он загнал машину в сарай и спрятался. Винтовка была с ним, он взял ее с собой, хоть и не должен был. Никто не упрекнет его за это – кто жив, тот и прав. Теперь, винтовка позволит ему отстреляться и уйти, даже если он приволок за собой хвост.

Навигатором – он взял координаты местности по GPS и сделал несколько снимков встроенной в телефон камерой. Все это он сбросил в сеть по гражданскому протоколу. После чего он оборудовал позицию на чердаке заброшенного дома, притащил остатки слежавшегося старого серого сена и залег с винтовкой, контролируя дорогу.

Время еще было.

Думать не хотелось ни о чем. Совсем ни о чем. Но мысли лезли в душу как крысы, прогрызающие себе путь в зерновом ларе.

Они никогда не думали, что будет именно так. До последнего надеялись, что кто-то там, на той стороне – одумается и скажет: люди, что мы творим?! Мы же все украинцы! Какая разница – какой язык, какая вера? Что мешает нам жить вместе?

Оказалось, что кое для кого язык оказался важнее.

Смешно, но он поддерживал майданы. И первый, и второй. Многим тогда казалось, что зло – во власти, в ее свое-

корыстных и злонамеренных действиях, и стоит только сменить власть, как все будет нормально. Как же они верили тогда! Только оказавшись в лагере беженцев под Ростовом, он с ужасом понял, что зло было не во власти. Зло было в них самих. И значит, все, что с ними произошло, они заслужили...

И то, что с ним, лично с ним рано или поздно произойдет, он тоже заслужил.

Село было пустым, тихим, ветерок колыхал большие, уже отросшие лопухи. На дорогу выскочила кошка, одичавшая, она понюхала воздух и юркнула назад...

От нечего делать он стал вспоминать своих друзей. Первым на память пришел Сашка Стешко. Программист, владелец небольшой фирмы, работающей на Европу, – он тоже думал, что будет все нормально. Ушел он в Луганске, ушел, как мужик, – с гранатометом в руках.

Они никогда не говорили «погиб». Только – ушел.

Во имя всего святого, что надо сделать для того, чтобы мирный мужик взял в руки граник и встал на пути танка?

Теперь они, конечно, были умнее. Граники сменили мины и фугасы, автоматы и ружья – снайперские винтовки. Пацаны в лагерях – закончат дело. Как сказал Дед – лучше совсем не жить, чем жить под фашистами.

Смеркалось...

Ночью над деревней едва слышно загудели моторы. Два –

а может быть, и больше – мотодельтаплана, засечь и перехватить которые не могли даже новейшие, висящие на дирижаблях радары, – закружили над деревней, ища посадки. Он вышел в поле, когда-то плодородное, а ныне заросшее травой, включил фонарик, закрутил им над головой, потом положил, обозначая направление посадки, и отбежал в сторону.

Мотодельтаплан, рабочая партизанская лошадка, пошел на снижение, запрыгал по невидимым в траве кочкам. Второй, бурча мотором, кружил в ночном небе, скорее всего – там стрелок. Нельзя недооценивать эту штуку – стрелок, с разворотистым, легким, скорострельным автоматом или ручным пулеметом, наделает дел. Они так на волков охотились, чтобы отработать навыки. Еще в Казахстан ездили, тоже стреляли в степи волков и браконьерили сайгу...

Стрелок неуклюже побежал за дельтапланом, на подходе его осветил тусклый свет фонарика, поставленный на минимальную яркость.

– Кто?

– Кубинец.

– К кому?

– Мудрому викингу поклон.

«Водитель кобылы» опустил автомат. Он был экипирован по последнему слову – ночной монокуляр и лазерный прицел на автомате с видимым и невидимым лучами – для стрельбы с воздуха просто отличная штука. Впрочем, военные летчики молодой Новороссии считались элитой, снабжение было

– соответствующее.

Они руками переставили мотодельтаплан, повернув в обратную сторону, – на взлет. Летчик, занимая место, поинтересовался:

– Вес сколько?

– Около сотки.

– Давай назад, пристегнешься – хлопни. Винтарь выбрось.

– Сам-то понял, чо сказал?

Кубинец знал, что максимальная нагрузка мотодельтаплана – сто двадцать. Хотя ни один «водитель кобылы» на максимуме взлететь не согласится, будет мозги морозить.

– Давай, пошел. Не тормози.

Мотодельтаплан неспешно пошел разгоняться по полю, прыгая намного меньше – потом грузно, как раскормленный гусь, оторвался от земли и начал неторопливо набирать невеликую свою высоту – над Ненькой выше сотки не ходили. Под пятой точкой проскочила дорога, по которой он приехал в село, одиноким жуком по ней ползла фура, высвечивая себе путь дальним светом. В воздухе – световым мечом джедая метнулся луч – стрелок второго дельтаплана лазером указал направление, и «водитель кобылы» согласно мигнул фонариком. Кубинец подумал – не стоит ли в качестве алаверды расстрелять наблюдательный аэростат над границей, там на нем оборудования на пол-ляма – но по здравом размышлении решил этого не делать.

Смелых и старых партизан не бывает. Бывают или смелые,

или старые. И со спецназом, кстати, та же самая ерунда.

В общем – домой...

В этот момент – что-то просверкнуло перед глазами, и Кубинец почувствовал, как аппарат разваливается на части...

Информация к размышлению

Документ подлинный

/перевод автора книги/

>> Как коренной украинец могу уверенно заявить, что украинизация Крыма, Донбасса, Харькова, Одессы, Николаева, Херсона, Кривого Рога, Днепропетровска, Запорожья, Кременчуга и иных русскоязычных мест возможна лишь при помощи тоталитарной военной диктатуры, репрессивными методами. Только если защитникам двуязычия выбивать зубы прикладами автоматов, если за такие действия: <http://slovoor.info/SO41/St41Nah.htm> будут расстреливать украинофобов на месте, без суда и следствия.

На востоке доминирует советско-российское космополитичное население неизвестного этнического происхождения. В Харькове, Одессе, Николаеве, иных местах процесс ассимиляции через межнациональные, российско-украинские браки насчитывает как минимум 150 лет. Поэтому определять здесь, кто москаль, а кто украинец – это все равно, что приготовить омлет, а потом пытаться отделить от него желток. Здесь уже сформировался новый народ – русскоязычные креолы без национальной самоидентификации, дети советского народа. Украинская православная церковь Московского патриархата имеет наибольшую конфес-

сию на востоке Украины. А численность сторонников Партии совковых регионов и Компартии Украины на Востоке все равно в десятки раз больше сторонников «Свободы» и нацдемов, вместе взятых. Чтобы сотворить действительно Украинскую Украину в городах Востока и Юга, одной лишь люстрации будет мало, необходимо отменить парламентаризм, запретить все политические партии, национализировать всю промышленность, все СМИ, запретить ввоз на Украину любой литературы на русском, запретить издавать любые книги на русском языке, даже буквари, полностью заменить руководящий состав госслужбы, образования, военнослужащих, физически ликвидировать всю пророссийскую интеллигенцию и всех украинофобов (списки на ликвидацию может составлять любой член ПО Свобода), убить всех членов антиукраинских партий и организаций, не только пророссийских, но и прорумынских, проугорских, протатарских. Это негуманно и не по-христиански, но очень эффективно. Сталин сам такими методами создал красную империю и жесткую вертикаль власти всего за двенадцать лет. Целесообразно устроить что-то вроде китайской культурной революции, применить по отношению к русскоязычным методы Пол Пота, отправить их на поля работать под принуждением. Или организовать в русскоязычных регионах новый голодомор, чтобы уменьшить численность населения. Только перед этим вывезти всех украинцев из этих регионов, окружить местность войсками и

*организовать блокаду, лучшие зимой. Отключить газ, свет, воду, перекрыть канализацию, отключить сотовую связь. Кто еще надеется на постепенную, эволюционную украи-
низацию, пусть посмотрит последние избияния депутатов в
Верховной раде и так же избияние свободовцев в Одессе. Но
возникает вопрос нехватки украиноязычных человеческих
ресурсов, ведь для этого 3/4 Галичины и Вольни предсто-
ит на восток переселить. Потому что русскоязычных кре-
олов очень много. Андрухович прав. Он еще слишком лояльно
относился к Донбассу и недооценил донбасских имбицилов.
Уже в гуцульских ресторанах в Карпатах гуцульские музы-
канты поют «Мурку» под цымбалу на заказ для донецких
дегенератов. Гуцулы скоро научатся играть и петь «Влади-
мирский централ». Как бы не пришлось не Донецк с Крымом
отделять, а самой Западной Украине отделяться, чтобы
украинскую нацию в своей державе сберечь от исчезновения.*

[http://www.forum.vosvoboda.info/posting.php?
mode=quote&p=179762](http://www.forum.vosvoboda.info/posting.php?mode=quote&p=179762)

Секретно

Куба Вячеслав Владимирович, 1976 г. р., уроженец г. Се-
веродонецка.

Кацапский террорист, особо опасен. Известные клички:
Куба, Кубинец, Рубен, Кубик, Комод. В период 1994–1995
годов проходил службу в составе Первой аэромобильной ди-
визии ВС Украины, ВУС – разведчик – снайпер. Уволен в

запас в звании «сержант». 1995–2001 годы – водитель грузовика, с 2001 по 2014 год – ФОП¹². С 2014 года – в составе террористической организации «Русский выбор»...

¹² Физична особа – предприниматель, аналог русского ИЧП.

Россия, Астрахань Russian War of terror 01 июня 2020 года

Мне есть чем платить, но я не хочу
Победы любой ценой.
Я никому не хочу ставить ногу на грудь.
Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда зовет меня в путь.
Группа крови на рукаве,
Мой порядковый номер на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне:
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве.
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи!

Немудреная музыка, простые слова – но цепляет. Затягивает, можно сказать. Позволяет немного отвлечься и не думать.

В общем, здравствуйте.

Поскольку вы наверняка читали мое обращение, поставленное в самом начале рукописи, повторяться с представлением не буду, смысла нет. Получилось, конечно, несколько

напыщенно, но в то же время духоподъемно, в общем, как надо. Думаю, Шурка из контрпропаганды одобрила бы, хотя она еще та язва. Вполне может быть, что и надругалась бы цинично над моими души прекрасными порывами.

Опять перехожу на патетику. Ладно...

В общем, имя мое вы уже знаете, расскажу теперь, чем занимаюсь. Занимаюсь я тем же самым, чем занимался большую часть жизни, только теперь на частных началах. После этого гребаного Хельсинкского раунда (кстати, кто-то знает, что словом «раунд» по-английски обозначается патрон?) – открыто работать стало невозможно, беженцев просто сдали под сильнейшим нажимом. Но хорошие герои всегда идут в обход – на следующий день после подписания Россией этих договоренностей я, как и двести моих коллег, подали рапорта, уволились со службы и организовали ЧОП. Называли его «Риск групп», но среди беженцев мы больше известны как «Группа крови». Просто среди нас оказалось слишком много тех, кто не забыл Виктора Цоя. Едва ли не самым большим поклонником творчества певца оказался я, у меня даже старая кассета была, с альбомом «Группа крови», первая, которую я купил, – оригинал, восемьдесят девятый год. Помните, кстати, что такое кассеты? Э... господа, как же давно это было-то. Благословенный белый прямоугольник в коробочке с разноцветной этикеткой, две дырки, коричневая лента, можно переставлять другой стороной и слушать. Их продавали на рынке в моем городе, с картонных коробок со срезанным

верхом – за новую кассету мы, тогдашние пацаны, душу готовы были прозаложить, вместе копили, откладывали с тех копеек, что давали нам на обед, бежали на базар, покупали. У меня был двухкассетник, «Иж-306», можно было самим переписать музыку с одной кассеты на другую, чем мы и занимались. Потом слушали. Не было тогда ни Интернета, ни дисков, новые фильмы бегали смотреть в видеосалон. Там билет – пятерка, а родаки сто тридцать зарабатывают. Еще помню, первый игровой салон открылся, в холле библиотеки, там игра была – кунг-фу, что ли. Один играет, два десятка смотрят.

Давно все это было. Давно.

Возвращаемся к нашим баранам, короче.

Поход на Крым обернулся для Украины полным обломом, но в то же время – стал прологом к новым, куда более зловещим событиям. В Таллине подписали урегулирование, Украина отказалась от Крыма, но сохраняла за собой юго-восток, при условиях пересмотра конституции, широкой автономии регионов и прочего евротолерантного бреда. Бреда – потому что любому вменяемому человеку было понятно: мы нажили себе врага. Русские – по обе стороны границы – нажили себе врага. Который рано или поздно – захочет все переиграть назад. Русские флаги и яйца в лицо приехавшим агитировать «свидомым» – не забудут.

Так оно и вышло. Допущенный просчет – отказ от требований отделения всего русскоязычного пространства Украи-

ны – обошелся в конечном итоге дорого всем. Для тех, кто заказал этот кровавый спектакль, это была передышка для того, чтобы укрепиться, тихо разобраться, с кем надо, подготовить из стада боевиков, озверелых, но неумелых – опытных диверсантов-подрывников. Наконец, подождать, пока вызреет настоящая ненависть. И тогда – вперед. Как в Хорватии в девяносто четвертом – операция «Буря», ликвидация всех сербских анклавов. Простой и надежный способ обеспечить «нацильную единисть» – путем физического уничтожения или изгнания тех, кто в эту «единисть» не вписывается.

Гром грянул через три года. Началось с массовой драки в Донецке, окончившейся серьезной, с погибшими перестрелкой, – и закончилось кровопролитными боями, бомбежками, этническими чистками и беженцами под Ростовом. Для «похода за единистью» собрали всю шваль, какую только можно было собрать. В авангарде – бандеровско-галичанская кодла, прибалтийская кодла – земсарадзе, кайселитовцы¹³, албанские учекисты, грузинские кмаровцы, чеченцы из разбросанных по всей Европе и Востоку общин, крымско-татарские боевики, сирийские экстремисты – в общем, весь сброд, какой только можно недорого набрать, на вербовать и бросить на бойню. За ними шли уже козыри – в основном прибалтийские и грузинские спецназовцы, прошедшие Афгани-

¹³ Правильно Земессардзе, латвийская добровольная военизированная организация. Кайселлит – то же самое в Эстонии.

стан, румынский спецназ, польский спецназ и волки из волков – польский «Гром» и полк спецназа ЕС «Веймар», набранный из состава солдат, прошедших Афганистан в составе польской оперативной группы «Ожел Бялый». Еще хорватов забыл – те непонятно откуда и приехали, скорее всего, потому, что на нашей стороне много сербов было. Вот такая вот дружба народов. Сопровождалось все это массивным давлением на нас, на Китай – в отличие от крымского кризиса – НАТО заранее отобилизовалось и было готово ко всему. Закончилось все подписанием Хельсинкского перемирия, на которое обе стороны, понятное дело, тут же наплевали и забыли. Бандеровцы рьяно принялись за подготовку к «освобождению Крыма и земель московской империи, населенных украинцами», мы начали готовиться к ответке. Строго говоря, я не думаю, что бандеровцы собрались и в самом деле кого-то освобождать. Просто они понимают, что по-хорошему все это не прокатит и, пока на нашей стороне есть лагеря беженцев – жить им не дадут. НАТО, кстати, тоже красиво вильнуло хвостом – несмотря на обещания, Украина не принята в НАТО до сих пор, а в ЕС до сих пор идут дебаты, как воспринимать документальные свидетельства зверств, которые во множестве имели место во время «похида за единистью». Как неизбежные издержки на пути к демократии – или все-таки как зверства. Ну и... очко, конечно, играет. Хоть и играют они в свои геополитические игры, но чувствуют, что заигрываются, и сильно. Понимают,

что после всего произошедшего по-хорошему уже не разойтись, и скорее всего – и сами они при следующей раздаче выхватят. Понимают, что Россия не Аргентина и с потерей Фолклендов не смирится. Европа – малость охренела от того, что создала на окраине своей территории вторую Палестину и, примерно посчитав возможные потери, начала тормозить, да было поздно. На территории России – больше миллиона мужчин – беженцев призывного возраста, со всем, с чем смогли выйти, от автоматов до танков, и мириться с происходящим они не намерены – а раз в несколько лет делать зачистки, как Израиль в секторе Газа, – не выйдет. Бандеровцы прут вперед, они понимают, что, пока есть Россия – житья им не будет, даже если им каким-то чудом удастся захватить, к примеру, Кубань – мы просто отступим и продолжим делать то, что делали, единственный их шанс – полный развал России. А Европа – изо всех сил давит на тормоз и подмигивает обеими глазами, накрашенными, как у сильно постаревшей шлюхи, – мол, готовы к переговорам. Только говорить никто не торопится. Россия, как и все, делает вид, что выполняет Хельсинкские соглашения, на Украине то и дело что-то взрывается и кого-то убивают, а недавно – первая заминированная машина взорвалась и в Варшаве. Алаверды, однако. А вы думали, паны, что неизвестные самолеты будут участвовать в налетах и ничего не будет, что ли? Ага, щаз-з-з-з-з...

Если вернуться из политических высей на нашу грешную

землю, то применительно к моей сегодняшней работе дело обстоит так. Вчера на территории Украины захватили и вывезли в Россию высокопоставленного нохчу. Здесь его приняли с распростертыми объятиями и поставили перед простым выбором. Или он колется, или мы отдаем его беженцам. А беженцы к чехам относятся с понятной ненавистью – чеченцы в ту войну показали себя полными отморозками и беспредельщиками. Нохча лопнул почти сразу – видимо, размяк в его-то возрасте – полтинник громыхнул. И рассказал много интересного.

Как мы и подозревали – заявки пана Димы о том, что «УНА-УНСО» создаст «христианский Талибан», стали прологом к действию, причем христианский Талибан создавался в прямом и тесном контакте с Талибаном настоящим. Поставленная задача – развернуть террор на территории России, и не только против беженцев, но и против самой России, в основном против военных и чиновников. Стратегическая задача – дестабилизировать обстановку в стране. В общем-то, ничего необычного, читайте документы «УНА-УНСО», там еще в тридцатые годы было написано, что боевики должны террористическими атаками провоцировать оккупантов на ответные действия с тем, чтобы вызвать озлобление народа, внушить ему отчуждение от властей и не дать возможность спокойно ассимилироваться. Тактическая задача – наладить сотрудничество с кавказскими недобитками, с тем чтобы согласовать совместные действия. По сло-

вам нохчи, уже имели место прецеденты заездов «хлопщив» в лагерь, где преподавали теорию и практику отморозенные ваххабиты, прошедшие и Афган, и Сирию. Причем тот факт, что одни из них христиане, а другие мусульмане, никого не смущал, разве что нельзя было кушать сало на виду у всех. Сейчас речь шла уже о согласовании на тактическом уровне совместных действий. Для чего здесь, в Астрахани, должна была состояться встреча представителей «УНА-УНСО» и ваххабитского подполья. Причем, что самое плохое, русского ваххабитского подполья. До сих пор мы не отслеживали результативных контактов «УНА-УНСО» с русскими мусульманами, вставшими на путь джихада. В конце концов, у свидомых существовало понятное предубеждение против русских – любых русских. Теперь оно, видимо, преодолено. Не без труда, но преодолено. Сегодня, видимо, должен состояться первый рабочий контакт и достигнута договоренность о совместных действиях. Далее – бандеровцы получают доступ к активной террористической сети на территории России, а русские, татарские, башкирские и прочие ваххабиты – доступ к источникам оружия, взрывчатки, инструкторам, возможность создавать лагеря подготовки на неконтролируемой нами территории. Это что-то вроде обратки бандеровцев в нашу сторону, получается – мы закрываем глаза на лагерь их врагов, а они, соответственно, наших. После чего начнется новый виток противостояния.

Предотвратить это можно только одним способом – раз-

громить первую же встречу, потом пустить слух о предательстве. Те, кто находится на нелегальном положении, обычно верят подобного рода слухам, и сотрудничество остановится. Возможно, на время, возможно, навсегда. Нам хотелось бы второго, но устроит и первое. Как говорится – решай проблемы по мере их поступления...

Или, как говорил Иван Сусанин полякам, идите вперед, не сношайте мозги.

Итак, мы сейчас в Астрахани. Городе семечек, арбузов и свежей браконьерской осетрины в сезон. Как говорит нам Википедия – это город в России, административный центр Астраханской области. Старейший экономический и культурный центр Нижнего Поволжья и Прикаспия. Часто называется южным форпостом России и каспийской столицей. А как говорит мне мое собственное чутье, это южные ворота России. Распахнутые настежь, не отремонтированные и хлябающие под порывами ветра.

Да и название его – Астрахань – не единственное. Есть люди, которые называют его «Хаджи-Тархан», мусульманский город. Кто эти люди, думаю, догадаться несложно.

Я сейчас сижу в машине на улице Маркина – точнее, на небольшой площади, которая на эту улицу выходит. Справа – пятиэтажки, за спиной какой-то магазинчик, милая деревенская неухоженность – окраина. Дальше – улица уходит в частную застройку, в которой сам черт ногу сломит и в которой разномастные коттеджи за высокими заборами

относительно мирно соседствуют со старыми, лет семьдесят назад построенными кирпичными двухэтажками, которые тогда считались приличным жильем. Теперь это настоящие клоповники, и, что самое опасное, часть из них заброшена. В одной из них – не заброшенной, но официально расселенной – и должна состояться интересующая нас встреча.

Я стою так, чтобы не было особо видно и в то же время чтобы при необходимости быстро выехать на улицу. Прямая видимость мне ни к чему. Улицу просматривает беспилотник – не армейский, а наш, переделанный из гражданского, операторского. При сегодняшнем солнце и синем, без единого облачка небе – надо внимательно, до рези в глазах всматриваться, чтобы увидеть его. Обычный квадрокоптер, замаскированный под птицу. Видеосигнал идет на автомобильный телевизор, немного перепаянный умельцами из лагерей. Дешево и сердито.

Собственно, в самой операции захвата я участвовать не должен. По-хорошему – я должен был сидеть сейчас в Ростове и опрашивать Кубинца, вернувшегося с ходки оттуда, – обязательная процедура, тем более что я его куратор. Но вместо этого меня дернули сюда, на всякий случай. Просто из тех, кто работает, немногие имеют опыт работы с русским ваххабитским подпольем. У меня он был – я в Поволжье работал до того, как все здесь началось.

Кошу я под бандита. Машина тоже откровенно бандитская – «гелик». То есть «гелендваген», «Мерседес G-класс».

Хотите совет? Есть бабки – берите. Нет бабок – тоже берите, подержанную. Уникальная машина! Мне она чуть больше лимона обошлась, еще немного потратил на перекраску – и получил тачку, которая смотрится на все пять. Простая, неубиваемая, особенно если до середины нулевых год выпуска, при этом – рама, механические блокировки, простой кузов, который не проблема в любой мастерской заварить – восстановить. И что самое главное – машина выпуска восьмидесятых отличается от машины, выпущенной пару лет назад, небольшими деталями. Пока все гнались за дизайном – «Мерседес» работал над качеством. Так что мой вам совет, не берите всяких «крузеров», «рейнджей», «широких» – берите «гелик», не прогадаете.

Машина самопально бронирована в мастерской, оснащена приваренными к раме тяжелыми бамперами-отбойниками и набита оружием. По-другому здесь нельзя. Несмотря на то что в России запрещено автоматическое оружие – здесь оно, считай, у всех. Военная зона. Лично у меня в машине всегда лежит «калашников» и «MP5». Последний я купил на приграничном рынке. По словам продавца, его сняли с тушки польского громовца, но я в это не верю. Если верить всему, что тут говорят, получается, что личный состав относительно небольшого «Грома» за время войны поменялся несколько раз. Напрягает год выпуска – восемьдесят первый. Скорее всего, все-таки с кого-то из прибалтов, туда в свое время НАТО свои мобзапасы скидывало. Автомат был хоть и

старый, но качественный, одно слово – немцы делали. Я поставил на него израильское цевье с рукояткой, зенитовский блок лазер-фонарь и крон с прицелом. Скорее всего, именно им я и буду работать, если припрет. Городская застройка, из автомата опасно шмалять. Пистолет, пулемет – самое то.

Но «калашников» у меня тоже есть. Обычный сто четвертый, который я дополнил по своему разумению. Жаль, что сейчас «ЭОТЕК» по разумной цене не купить, санкции, но у меня остались с давних еще времен – им ничего не делается, надежные, как камень. Ну и остальное... по мелочам.

Машина эта моя, личная, и бить я ее не хочу. Проблема в том, что служебные – слишком все одинаковые. И мало кто подумает о том, что в «гелике» может быть кто-то, кроме бандитов.

Поскольку перехватчики¹⁴ всегда работают парами – в машине я не один. Так-то я один работаю – жизнь приучила не доверять людям, но «на войну» в одиночку ходить нельзя. Почему? А вы попробуйте вести машину и стрелять одновременно... это только в кино хорошо получается. Поэтому сзади у меня сидит Децл. Это кличка такая. Паренек из лагерей, он в семнадцать лет уже воевал с бандеровцами. Великолепный стрелок – вот и пусть сидит сзади, за руль я его все равно не пушу. Он один из тех немногих людей, которым я отчасти доверяю, это напарник Кубинца. Куба пошел на де-

¹⁴ Слово пошло из книг В. Головачева, многое в деятельности российской контрразведки на юге было позаимствовано у СМЕРШа.

ло один, потому что так было нужно. А я взял на дело Децла, потому что был нужен напарник. Вот такой расклад...

Теперь – в чем суть операции. Исходя из той инфы, которая у нас была, и той, которую мы получили от того чеченского урода, – мы просекли, что в Астрахани будет встреча между представителями украинских нацистов и местным ваххабитским подпольем. Где – чех этого не знал, но наработки у нас были. Мы контролировали больше тридцати «точек», в отношении которых у нас был интерес. Точки, в которых жили родственники, жены известных нам джихадистов, точки, в отношении которых была получена информация, что это явка боевиков. Точки эти контролировались техническими средствами двадцать четыре часа в сутки. Как? Ну... способы разные бывают, некоторые с беспилотников, благо они сейчас дешевые, некоторые – со скрытых камер наружного наблюдения, расположенных... друг, а может, тебе и ключ от квартиры дать, где деньги лежат? Неважно, где расположенных, в общем. Веб-камера – хорошая вещь, дешевая, маленькая, установить, запитать, подключить к сети – да нет проблем. Получив информацию, мы сели на камеры и начали отслеживать активность. И один из адресов «дал флажок» – то есть проявилась подозрительная активность. Именно его мы и намерены брать.

В адресе этом живет вдова установленного боевика, ликвидированного при попытке устроить теракт в Саратове. Марина Калачева, но предпочитает, чтобы ее звали Марьям.

Она местная, из Астрахани, из небогатой семьи – отца застрелили во время разборки браконьеров. Где-то познакомилась с парнями, парни оказались ваххабитами. С одним из них – у нее был никях, то есть «мусульманский брак», от никяха этого родился ребенок. Вообще, если поговорить с мусульманскими правоведами, с авторитетными людьми – выясняется, что понятием «никях» ваххабиты прикрывают самый банальный блуд: никях невозможен без родителей невесты и не предполагает, что после никяха невеста должна ложиться в постель. Но ваххабитам на это плевать: средний срок жизни русского ваххабита, принявшего радикальный ислам и вставшего на джихад, – полтора года, и за эти полтора года они берут от жизни все, что могут. Жених забрал Марину к себе на родину, в Саратов, где через несколько месяцев был уничтожен при штурме конспиративной квартиры. Против Марины ничего не было, ее вызвали в прокуратуру, вынесли предупреждение. А что еще можно сделать, если вся ячейка уже в райских садах Фирдауса, свидетелей нет, баба клянется, что ничего про делишки своего мужика не знала – уходил рано, приходил поздно, иногда и вовсе не приходил. А то, что она вела страничку в «ВКонтакте», где призывала русских принимать ислам, ну, это ничего не значит, да. Родители жениха ее прокляли и не приняли, она вернулась в Астрахань, поселилась одна, но адрес ее взяли на контроль, на случай чего. И сейчас у нее в адресе как минимум трое, из которых как минимум один – в федеральном

розыске.

Сейчас еще бандеровцы подъедут, послушаем, что они говорить будут, – и зайдем в адрес. Аллаху Акбар, короче...

Адрес был старым, построенным еще при усатом вожде двухэтажным зданием, рассчитанным на восемь квартир. Наверное, когда-то это было элитным жильем, мечтой советской семьи, большинство из которых прозябали тогда в деревянных бараках. Балкон, кухня, комнаты... все, как у людей. Теперь – это было трущобами. Крысы, гнилые и вот-вот готовые провалиться деревянные перекрытия, узкая, низкая лестница, ведущая на второй этаж. Плач ребенка из-за покосившейся, обитой дерматином двери, мутные, не мывшиеся уже несколько лет стекла в крохотном подъезде. Заложённые кирпичом оконные проемы в выступающих балконах – чтобы получить еще одну теплую комнату. Все какое-то жалкое, скукожившееся...

Старая, но еще ходкая «Шеви-Нива» резко свернула с дороги, перевалила через почти провалившиеся мостки через придорожную канаву и въехала во двор, образованный с одной стороны зданием, с другой стороны – покосившимися, темными от времени деревянными сараями, в которых жители трущоб хранили свой скарб. Бродячая собака бросилась бежать, юркнула в какую-то дыру в заборе, в углу дворика стоял «Запорожец», без окон, без дверей, без колес, днищем вросший в землю. За его рулем сидел бедно одетый пацан

лет десяти-двенадцати, он гудел, надувая щеки, крутил руль и представлял себе, наверное, сочинскую трассу «Формулы 1»...

Русня...

Трое вышли из машины. Все трое выглядели как небогатые русские, один белокурый, двое – с серыми, подстриженными «под полубокс» волосами. Одеты они были «с базара» – то есть джинсы и дешевое тряпье. Один достал с заднего сиденья машины тяжелую сумку с ярко-красным логотипом «Магнита».

Еще один осмотрелся по сторонам... внимательно осмотрелся. Ему довелось иметь дело с русистами, и он знал, как они нападают... однажды только светлые волосы и русский без акцента позволили ему прикинуться мирняком и выскокить из сжимающейся петли. Пацан... вряд ли он представляет опасность, восемь лет всего. Никаких признаков блокирования, пока они катились по улицам, он не заметил. Тут дома стоят плотно, куча огородов... на край можно уйти «на рывок». Да и сама Марьям по сотовому сказала, что все спокойно...

– Э, пацан! – крикнул он.

Пацан подбежал, но остановился на довольно приличном расстоянии. Замурзанный, с хитрым взглядом, в сбитых кроссовках – типичное дитя окраин...

– Чо надо?

Блондин достал малахитового цвета тысячерублевую ку-

пюру:

– Хочешь?

Пацан жадно посмотрел на купюру.

– Тихо тут? Менты есть? Левые не шарятся?

Пацан помотал головой.

– Точно?

– Точняк, зуб даю, дядя...

– Харе. – Блондин смял пальцами купюру, бросил пацану

шарик, тот ловко поймал его

– Э, дядя... ты дверью ошибся.

– Чего?

– Цыган в соседнем доме барыжит. Вон в том, первый подъезд, второй этаж. Бывай, дядя, не кашляй.

Пацан метнулся бежать и исчез за углом. Блондин посмотрел ему вслед, затем повернулся к остальным двоим, ждущим его решения:

– Можно идти...

– Чо пацан говорил?

– В соседнем доме харамом торгуют...

Сами они неоднократно употребляли наркотики, но при этом продолжали считать их харамом.

– Пошли.

– Мне остаться, брат?

– Не. Не надо...

Втроем они поднялись на второй этаж замызганного дома, тот, кто держал пакет из «Магнита», повинувшись кивку блон-

дина, позвонил в дверь. Сам блондин стоял вторым и ниже на лестнице. Так у него был хоть какой-то простор для маневра, если сейчас из соседних дверей ломанутся харбии.

За дверью раздался какой-то шорох.

– Кто?

– Это мы, ухти¹⁵...

Едва слышно лязгнул замок. Дверь открылась, за ней стояла женщина. Человек с пакетом шагнул вперед:

– Привет, ухтишка...

Квартира была двухкомнатная, неожиданно большая. Заставленная старой, потрепанной мебелью. В одной из них была старая кровать, никелированная, с шарами. На ней лежали двое, дневной свет сочился в комнату через замызганные занавески.

– Это что... – пальцы женщины, скользившие по животу, натолкнулись на звездообразный, с углублением шрам.

– Это... да так... ничего...

Она все поняла, но ничего не сказала, как подобает хорошей мусульманке. Только спросила:

– Больно было?

Больно... да... больно.

Их группу засекли в горах, они уходили к азербайджанской границе, спецназ висел на хвосте, отрезая от населен-

¹⁵ Ухти – сестра, так боевики называют женщин, причастных к джихаду. Ахи – брат.

ных пунктов. Двоих раненых братьев пришлось оставить – нести их было некому, а так они могли на какое-то время остановить висящую на хвосте группу и получить заслуженную шахаду. У русистов были местные проводники, видимо, кто-то, кто хотел отомстить, – и оторваться потому не удавалось. У самой границы ночью их встретил пограничный заслон, прорваться удалось очень немногим. В том числе и ему, хотя он был ранен в руку и в живот, Мамед, здоровенный, молчаливый аварец, которому повезло не получить серьезных ранений, вытащил его на себе, потому что был должен. Потом он отлеживался в горном селе в Азербайджане, его скрывала от карателей одна семья правоверных. Врача вызывать было нельзя, потому что за врачом, несомненно, пришли бы и харбии. Его лечил местный знахарь, лечил какими-то травами, а в рану шприцем закачивали чистый мед. Давали деревяшку, и он сжимал ее зубами, держась из последних сил, чтобы не заорать. Много дней он голодал... потом врач ему сказал, что если бы он не голодал в момент ранения, то был бы уже мертв из-за заражения крови. Жизнь в горах была несытной – они питались в основном майонезом, лапшой из бомж-пакетов и мукой, которую просто сыпали в котелок и варили.

Когда он встал на ноги, он весил ровно пятьдесят пять килограммов при росте метр семьдесят пять.

Но все они – и он в том числе – знали, за что они страдали. Во имя Аллаха...

– Нет. Не больно... Как ты живешь?

Женщина не ответила...

– Тот человек... нам сказали, тут какой-то цыган барыжит...

И по мгновенной реакции женщины он все понял:

– Я его убью.

– Не надо...

– Что ты говоришь, женщина?!

– Не надо. Приедут менты. Будут разбираться.

Он резко откинул одеяло, встал.

– Не надо бояться ментов. Бойся одного лишь Аллаха Всевышнего. Скажи: достаточно нам Его в защитники, он – хороший хранитель.

Одевшись, он прошел на кухню. На кухне оставшиеся двое бандитов сидели и пили чай. Один посмотрел на часы:

– Должны уже быть.

– Спроси, где у нее тут нычка, брат...

– Сам спроси!

Третий из боевиков хотел что-то сказать, но, повинувшись взгляду блондина, молча встал и вышел. Тот, кто накупил целый пакет дорогих гостинцев из «Магнита», сел на его место, взял в руки горячую кружку с недопитым кофе, сомкнул руки, будто стараясь согреть их о горячий металл.

– Почему все так мерзко, брат?. – спросил он.

– Путь джихада полон препятствий. Сказано: неужели вы думали, что мы не будем испытывать вас?

– Нет... нет. Это не то. Это не испытание.

– А что же тогда?

– Это... мерзость, брат. Воюя с харбиями, мы и сами становимся такими, как они, понимаешь? Где предел?

– Ты знаешь, что наши грехи не будут записаны в Книгу. А их – будут.

– Да... но все мерзко... мерзко.

– Мы сражаемся за то, чтобы победить эту мерзость и установить чистое правление. Шариат Аллаха.

– Тогда почему мерзости все больше...

Вернулся третий боевик. Гулко стукнул о столешницу застеленного клеенкой стола черный плоский «ТТ». За окном загудел мотор, блондин привстал, чтобы посмотреть.

– Это они.

Замурзанный пацаненок, проскочив одному ему известным маршрутом между домами, выскочил на соседнюю улицу. У обочины, чуть накренившись, стояла «Газель», боковая дверь открылась, и сильные руки втащили пацана внутрь.

В «Газели» было темно и тесно. Несколько человек в боевой униформе полицейского спецназа стояли плотно, как кильки в бочке. Еще один держал на весу ноутбук, его экран светился матовым, мягким светом.

– Молодчина, Паш, поставил. Теперь рассказывай.

На экране было изображение с камеры, которую поставил на месте пацан.

– Трое их! – затараторил пацаненок с беженского лагеря. – Все трое русские. Один из них со мной базарил, без акцента совсем. Среднего роста, у одного волосы светлые, у двоих, как у меня, серые...

– Вахи, с... – выразился один из спецназовцев.

– Окоротись при пацане!

Спецназовец пристыженно замолчал.

– Тачка у них – «Шеви-Нива», серебристая. Старая, грязная, где-то по глине ехали. Грязь свежая...

– Номер запомнил?

– А как же. Шестьдесят первый регион. А – восемьсот пятнадцать – бэ-тэ.

– Молодец.

– У одного сумка «магнитовская», большая. Под самые гланды.

– Чем?! – насторожился координатор. – Заметил?

– Там бутылка была. К бабе приехал... Тот, другой блондин, мне еще денег дал.

– Покажешь?

Пацан неохотно достал превращенную в комок купюру.

– Кидай сюда.

Купюра отправилась в пакетик, взамен – координатор достал новенькую тысячную:

– На. Купи морожку.

– Я так-то пиво пью... – обиделся пацан.

– Пиво пить тебе рано. На вот еще, на проезд. Беги на

автобус – только на автобус, понял? Не смей тут ошиваться. Не дай бог увижу.

– Понял... – с мрачным видом сказал Гаврош двадцать первого века. – Слава России!

Украинцы прибыли впятером – обычное для них дело, пятерка у них называется «гурт». Один остался в машине, еще один – во дворе, трое поднялись наверх. Были они бритыми – только-только начали пробиваться волосы. У одного – короткая бородка, у двоих – явно видно, что только что сбрили усы. Украинцы – делали только еще первые шаги на пути подрывной и террористической деятельности – и опыта им явно не хватало...

Один из боевиков открыл дверь. Второй держался так, чтобы при необходимости уйти в комнату. За спиной он держал взведенный «ГТ».

– Здорово, – настороженно сказал украинский боевик, лобастый, с угрюмыми, волчьими глазами. – Марина здесь проживает?

– Заходи...

Прошли в комнату, самую большую – женщина уже убрала кровать и удалилась. Из двух табуретов и листа фанеры сделали что-то вроде стола, выложили у кого что было. Один из украинцев поставил на стол бутылку водки, но под угрюмыми взглядами ваххабитов поспешил убрать ее. Все стояли

так, чтобы при необходимости быстро открыть огонь.

– На какой мове розмовляти будем? – спросил лобастый, лысый боевик с волчьими глазами. – Ты украинську знаешь?

– Я знаю русский, – сказал блондин, – и ты тоже. Не надо создавать проблемы на ровном месте.

– На кацапском розмолвляти, як собаки гавкати! – резко сказал украинец.

– Если хочешь, можешь говорить на арабском или фарси. Но ты не знаешь ни тот ни другой, верно?

Боевик сел прямее.

– Добро... – сказал он, – будем на русском. Давно на кацапском не розмолвляли, а, Микош?

...

– Наши старшие порешали, что надо вместе дела делать. Вместе мы сила, поодиночке – никто. Только вместе мы добудем свободу.

– Свобода? – сказал блондин. – А зачем тебе она?

– Тебе не нужна?! – ошетинился боевик. – Тогда можешь быть рабом!

Свобода... никто из нас не свободен от Аллаха Всевышнего. Только ты слишком туп, чтобы это понять. Ты различаешь людей по их национальности – но это один из тяжелейших грехов, люди если чем и различны, так только по богобоязненности. Даст Аллах, скоро ты познаешь, насколько велики были твои заблуждения.

– Мы рабы Аллаха Всевышнего, и больше никого, – сказал

блондин. – Для нас нет власти, если эта власть не по законам шариата. Нет земной власти!

Лысый ощерился:

– Как знаешь, хлопче. Не мне тебя учить. У нас общий враг. Ты знаешь, кто такие русисты, и я знаю. Пока они есть – покоя не будет.

– Что предлагаешь?

– В Шахтах есть лагерь бандитов, там русских богато. У нас есть двадцать хлопцев и оружия дюже богато. Надо навести там шороху!

Вот идиот...

– Тебя там расстреляют еще на подходе. Ты что, не знаешь, что там русский спецназ?

– Двадцать моих хлопчиков, да с русистами не справятся...

Две «Газели», набирая ход, шли к цели с двух сторон улицы, блокируя ее. Еще один стрелок, пробежав дворами, залег на углу, выставив на сошки пулемет «РПК-74» с барабанным магазином и оптическим прицелом малой кратности...

Обе машины с точностью до двух секунд оказались около нужного дома. Вход в этом двухэтажном доме был со двора, дворик был сквозной, с выездами по обе стороны дома. Одна «Газель», резко на девяносто градусов повернув, пролетела во дворик, вторая, перескочив плохо засыпанную канаву и едва не перевернувшись, встала под окнами.

Хлопнули двери небольшого универсала «Форд», из машины выскочили двое украинцев, у того, кто выскочил с заднего, в руке был зажат «ТТ».

– Слава Украине!

Короткая очередь «РПК» отбросила его на машину, он стал оседать на землю, пуская ртом и носом кровавые пузыри. «ТТ» выпал из руки.

– Лузга, один на минус, – доложил стрелок, – один ушел. Направление на три. Удерживаю дорогу...

Второй украинец, с водительского сиденья, не стреляя, бросился к соседнему дому и одним движением перемахнул через забор. Оружия у него – по крайней мере, внешне – не было.

Из окна застрочил «стечкин», пули застучали по крыше «Газели».

В отличие от украинцев ваххабиты были лучше подготовлены к действиям в условиях подполья: один из них постоянно стоял так, чтобы смотреть в окно на дорогу. Увидев сворачивающую белую «Газель», он все понял:

– Менты на улице!

Боевик, который вел переговоры, схватил лежащий на столе «ТТ», еще один выхватил «стечкин» и дал длинную, разбившую окно очередь. В ответ – откуда-то спереди застрочил пулемет, полетели стекла и обрывки занавесей.

– Ложись! Ложись!

– А... москали... шоб вин всрались!

Стоявший у двери украинец рванул застежку сумки, бросил своему соратнику короткоствольный хорватский «ЭРО» и смотанный подсумок к нему.

Один из ваххабитов достал телефон, вызвал один из номеров, ткнул пальцем на прозвон:

– Бисмиллагь!!!

Но ничего не произошло, только ручной пулемет замолк, а вместо него ударили два автомата. Завизжали рикошеты, один из украинцев закричал:

– Ой, мамо, мамо...

– Глушилка работает! Машину не взорвать!

– Что за машина?!

– Наша! Она заминирована!

– Ай, шакалы... Василь!

– А?!»

– Глянь на двор! Тачка зараз заминована!

– Не надо! – заорал старший из ваххабитов, отлично знавший тактику штурма русских. – Не выходи!

Но было уже поздно. Украинец, вооруженный восстановленным «калашниковым»¹⁶, открыл дверь и увидел только черную стену щита на лестнице и ослепляющий свет «Королевы»¹⁷.

¹⁶ Переделка из боевого автомата. Сначала там убирали автоматический огонь, чтобы продавать на частном рынке, потом – восстанавливали, когда все началось.

¹⁷ «Снежная королева». Блок из нескольких особо мощных фонарей, применяемый в антитеррористических операциях, встроен в щит. То же на треноге – Каспий.

– Слава Украине!

Он даже выстрелить не успел – русские открыли огонь из пистолета и автомата одновременно, и Василь упал в дверном проеме, изрешеченный пулями.

– Аллаха Акбар!!!

Лидер ваххабитов размахнулся и бросил гранату – на лестнице глухо грохнуло, потянуло дымом. Он пополз в коридор, не поднимаясь на ноги.

– Ты куда, псина! – заорал лидер украинцев. Второй украинец попытался обстрелять русских на улице – в ответ дважды грохнула «СВД», и боевика отбросило назад.

В большой комнате оглушительно гроыхнуло, обдало жаром, крик оборвался. Из комнаты ползла Марина, она была ранена, но ползла, оставляя за собой кровавый след. Русские зашли с козырей, – столкнувшись с сопротивлением, они начали обстрел дома из «ЛПО-97», легкого пехотного огнемета. Термобарическими...

За собой Марина тащила черный, плоский пояс с торчащим из него проводом. Они встретились глазами...

– Я... люблю тебя, – сказала она.

– Да... У нас там будут дети... не здесь, в раю.

Еще один термобарический заряд взорвался в той комнате, откуда выползла Марина. Было нечем дышать, огонь был на потолке, пожирал остатки занавесок и приноравивался к мебели.

– Инша'Ллагъ!

Русские на лестнице, пострадав от близкого взрыва гранаты, перегруппировались и начали новое наступление. Щит с уже не горящей «Королевой» перекрыл большую часть дверного проема, поверх него торчал автоматный ствол, луч мощного фонаря пробивал дым. Лазерный прицел нашел лежащих на полу мужчину и женщину.

– Аллах Акбар, свиньи! – заорал по-русски тот, кто когда-то был русским пареньком Владимиром Шагиным, а теперь поверил в Аллаха и стал Валидом аль-Руси, моджахедом, идущим по пути Аллаха.

Застрочил автомат, и тут же взорвался пояс шахида. Взрыв был такой силы, что спецназовцев отбросило назад на лестницу, как сломанных кукол. Одновременно огнем дохнули все окна, полетели стекла, и через несколько секунд начал рушиться в искрах и дыму потолок.

– Лузга, один на минус. Один скрылся. Направление на три. Удерживаю дорогу...

– Твою же мать... – выругался я.

Децл молча сидел рядом и ждал. Школа Кубинца – тот тоже молчаливый. Тому, у кого есть настоящая потребность болтать – в разведке делать нечего.

– Один ушел, – бросил Двойка Феликсу, – прием.

– Феликс на связи.

– Феликс, прошу сообщить приметы скрывшегося.

– Двойка, точных примет нет. Мы выведем тебя на него.

Вперед и на перекрестке стоп. Жди команды.

– Феликс, принял...

Дальше по улице, в адресе глухо грохнуло, взмыла в небо перепуганная стайка голубей. Понеслась душа в рай.

– Принять готовность. Не стрелять.

Децл щелкнул предохранителем «калаша», затем сунул мне под руку «MP5». Я оставил его на коленях – так быстрее. В адресе рубились по-взрослому...

Грохнул еще один взрыв – такой, что взвыли сигналки. Это уже не граната...

– Двойка, направо и вперед. Держись дороги.

Повернул руль, прижал газ. Машина у меня дизельная, тут не восьмицилиндровый монстр, как на дорогих версиях, так что чуть топнешь и уже под сотку – но все равно, разгоняется хорошо. А по надежности – почти «УАЗ».

– Двойка, поднажми.

Машина идет быстрее, проскакивает стоящие торцом пятиэтажки. Бегут люди... встань, беда, не ляг, лучше бы дома сидели. Нет, надо посмотреть, что делается, сунуться носом. А любопытной Варваре, как известно...

– Он слева от тебя. Идешь хорошо. Ориентир на перекресток, отсчет. Семь! Шесть! Пять! Четыре!

Все-таки с БПЛА работать одно удовольствие, что ни скажи. В свое время работали слепыми, как кроты. У духов половина района информаторы, кто стучит, потому что иначе гости придут, а кто-то – по убеждениям. А мы, как зачум-

ленные...

– Три! Два! Один!

Прямо передо мной на перекресток выскочил какой-то шпаненок в серой куртке, оборванный – карман оторван. Заполошно огляделся... успел увидеть только горящие фары угловатого черного внедорожника, летящего на него. Вместо того чтобы пропустить, я топнул по газу и решеткой поддел его по касательной, отбрасывая к тротуару.

Встал на тормоз, толкнул дверь, выскакивая. Оглушительно заорала женщина, на высокой ноте, почти визгом, но мне до этого совсем не было дела. Автомат в плече, мы шли с обеих сторон внедорожника, держа скрывающегося бандита под прицелом.

Тот как-то странно дернулся... вроде как пытаюсь отползти, но не смог.

– Не стрелять!

Бандит повернулся к нам туловищем... щека в крови, кровь густая, почти малиновая, ползет с головы, медленно сочится. Рука на животе, в руке «эргэдэшка». Уже без чеки.

– П...ц вам, москали! Слава Украине... – довольно отчетливо сказал он

– Стий! – заорал я. – Нэ роби! Не треба!

Вот уж в который раз Мудрого викинга хвалю. Это он от всех требовал хоть как – но знать мову. Хорошо, плохо, но что-то знать. Я, наверное, плохо знаю, но что-то все равно знаю. Не такой плохой язык, кстати.

Как я и подозревал, украинский произвел впечатление. Обычно, если сбиваешь первый порыв, дальше проще. Не каждый может хладнокровно подорваться.

– Ты кто?

– Я с Луганска, – перешел я на русский.

– Кацап...

– Какой я кацап? Я на Украине жил. Пока такие, как ты, нас не выгнали.

– Ми за витчизну керували. Слава Украине!

– Не делай! – заорал я. – Думай сам! Жив останешься – мы тебя обменяем. Нет – вместе тут сдохнем!

...

– Нам чужого не треба. Думай головой. Тебя твои же сдали. Как, ты думаешь, мы тут оказались?

...

– Ты знаешь шо?

– Ни.

– А ти хто?

– Водий¹⁸ я.

– Вот видишь? Ты нам без надобности, нам ваши керивники нужны. Отвезем на больничку, затем обменяем. Здесь больничка хорошая. Ну?

– Кацап ты... – сказал водитель.

– Какой с мени кацап... – сказал я, – у мени жинка з Киву. Давай. Держи руку.

¹⁸ Водитель (укр.).

Я смотрел на него, а он смотрел на меня. Только не приведи господь кому вмешаться сейчас. Взлетим ведь, точно взлетим.

– Ну? Давай. Спокойнее.

Я наклонился, положил его руку на свою. Сжал пальцы на гранате.

– Во. Це дило.

За спиной оглушительно грохнуло, пуля прошла так близко, что рванула рукав куртки. Липкое, горячее месиво брызнуло мне прямо в лицо...

Как я удержался на ногах? А хрен его знает. Спросите что полегче, ладно? Я ведь в Волгограде был. Туда нас перебросили – считай с аэропорта в бой, троллейбус взорвался. Прямо под Новый год это было. Я в Сирии бывал. В Афганистане бывал. В Донецке – под видом представителя при миротворцах пошманался, после того как... надо было определяться, учреждать резидентуру. Кровь-кишки-расп... расило – повидал так, что...

В общем, на ногах я устоял. И даже смог выдернуть из на- всегда онемевших пальцев гранату, каким-то чудом вставить булавку вместо чеки. На роже были липкие, горячие сопли, и воняло просто омерзительно, да в голос заходила какая-то баба. Я шагнул к Децлу, неподвижно стоящему с автоматом, и тяжело ударил его в лицо, а потом еще добавил ногами. Потом меня подбежавшие мужики оттащили...

Пришел в себя я в машине, на переднем пассажирском. У меня на всякий случай в багажнике лежала бутылка полугара, мягкого хлебного вина крепостью чуть меньше водки. Я держал бутылку и время от времени отхлебывал из горлышка. А на приборке лежало полотенце, все в буро-красных разводах. Не помню, как я вытерся...

Впереди тревожно мигал маяком ментовский «бобик». «Скорая» уже уехала. Как и обычно – вечером в новостях будет ролик про нейтрализованную банду. Это даже... ведь правда. Не вся только...

Хлопнула дверь, кто-то сел за руль. Рука бесцеремонно выдернула бутылку:

– Дай...

Севший за руль мужик основательно хлебнул, остановился, посмотрел на просвет и допил до конца. Бросил назад – бутылка жалобно звякнула.

– Как?

Я не ответил.

– Ты, кстати, Децлу ребро сломал, кажись. За что?

Это был Серый, у луганчан кто-то вроде бригадира. Бывший опер из уголовки, из ОБОПа¹⁹.

– За дело, – подумав, сказал я

– Ты тут буром не при, – спокойно сказал Серый. – Шет молчит, как партизан. Ты – как рыба об лед. Вы чего – ох... и?

¹⁹ Отдел по борьбе с организованной преступностью.

...

– Харэ. Поехали, потом разберемся. Ключи где... ага.

Дизель заурчал, машина начала разворачиваться. Потом мы покатали на выезд из города. Несмотря на выпитое, опьянения почти не было, только во рту как кошки наделали.

– Ты знаешь, как мы Децла нашли?

...

– Он в селе жил, недалеко от Луганска. Там железка проходит, поэтому бандерня туда по первой пришла. Отца у него не было – на зоне. Мать с малым дитем. Он в лесу прятался, с партизанами. Потом вернулся домой... мать на кол посадили. Во дворе прямо...

...

– Так что ты не суди. Понял?

– Я не сужу.

– Судишь. За помощь – спасибо. От всего сердца, брат.

Но не суди нас. У каждого – свои счета.

– Я не сужу, – с нажимом сказал я.

– Все мы под Богом ходим.

– Человеком надо быть.

– Человеком... Человеком, это ты, брат, хорошо сказал.

Только как в больничке побываешь... а еще хлеще в морге – как-то не получается больше человеком быть.

...

– Вот так вот. Бог нас рассудит. А ты – не суди.

Выйдя на трассу, рванули на Ростов. Шпарили под сто тридцать, полиция не останавливала – наши машины знали, связываться не хотели. Где тренога²⁰ – там штраф по почте придет...

База наша – временная – находилась в Батайске, там когда-то военный аэродром был, потом забросили, площадка бурьяном заросла. Теперь там – вроде как запасная площадка Ростовского вертолетного, а по факту – кого только там нет. Начиная от сербских комитачей, которые приехали «брату русу» помочь, а потом – они это и не скрывали – идти обратно, уже спаянными командами, с оружием – Косово от наркомафии освобождать. И заканчивая спецназом ГРУ – по крайней мере, я так думал, что это спецназ ГРУ, они сами не представлялись. Сама эта площадка не использовалась нами как военная база, дураков нет – подставляться. Все держались вокруг нее, некоторые в самом Ростове. А на площадке базировалась самая разная техника от «Ми-17» до мотодельтапланов. Ну и... склады там кое-какие были, какие в городе нельзя было держать. Но рисковать и базироваться непосредственно там никто не хотел – под удар попадать дураков нет.

И потому мы свернули не на саму площадку, свернули раньше. Прокатившись по дороге в степи, въехали в село. Тут на окраине – наши. До аэродрома пять кмэ.

²⁰ Сленговое название камеры для контроля скорости – фотографирует и по почте потом штраф приходит.

Прошли КП – просто забор, но около него всегда кто-то был, и с оружием – на случай чего. Прокатились по разбитой комбайнами дороге, встали под навес. Здесь надо быть осторожным, паркуешься – всегда под крышей, когда есть такая возможность. Сверху следят, даже ночью, – это надо помнить.

Я немного оклемался, и стало выпитое спиртное брать. Я так-то непьющий почти. Если стол собрать – я не буду. За погибших – святое, конечно, и после такого. Тут если не дернешь – крыша съедет. Реально съедет, я видел, как люди за ночь седыми становились, а у кого-то и планка падала – совсем.

Сзади, в багажнике, у меня всегда вода есть, несколько бутылок. И ветошь найдется – хотя бы губка, я ей машину мою. Пошел назад, слил на губку, начал оттирать лицо. После машины... да и хрен с ним. Не до сантиментов.

Когда закончил с туалетом, обнаружил, что рядом кто-то стоит. Оказалось – Мудрый викинг. Его сначала просто викинг звали, потом стали называть Мудрый викинг. У него фамилия была шведская, а какая, не скажу, его предки – из обрусевших шведов. Он седой был – причем поседел, когда ему и тридцати не было. В первом Грозном. Вот ему и дали кличку – Викинг. А потом – Мудрый викинг.

Мудрый викинг – мой непосредственный начальник. Не командир – а именно начальник, потому что мы все в действующем резерве. Но звания нам идут, у Викинга уже гене-

ральское на подходе. Его наверху недолюбливают – именно за то, что он удачлив. На фоне его то, что делают остальные, отчетливо кажется халтурой. И чаще всего так и есть.

– Как сходили?

– Хреново...

В общем-то, я готов был к серьезному разговору. Беженцы с той стороны – материал очень взрывоопасный. Их можно понять, многие родных потеряли. Это мы работу делаем, а они – мстят. Для них «понять и простить» не проходит. Но я все равно уверен в собственной правоте. Хотя, наверное, придется извиняться, поляну накрывать.

– И у нас хреново, – сказал Викинг.

– Что? – начал понимать я.

– Кубинец не вернулся.

– Жив?

– Не знаем.

Ну, вот. Достойное завершение хренового во всех отношениях дня. Б...

Несколькими днями ранее США, близ Нью-Йорка Теннисный клуб «Коринф» Memorial day 26 мая 2020 года

Сегодня был Memorial day. День памяти всех погибших за Америку во всех войнах – сколько их было. Первая, Вторая мировые, Вьетнам. Персидский залив – последняя относительно успешная война, ее сравнивали со сражением при Омдурмане²¹ и разгромом махдистов. Дальше все покатило под откос. Девятнадцать лет назад президент страны объявил новую войну – «GWOT», глобальную войну с террором. Она собирала кровавую жатву и сейчас, и многие уже начинали понимать, что в конце тоннеля нет ничего, кроме тьмы. Но пока они были в относительном меньшинстве.

²¹ Генеральное сражение второй англо-суданской войны, состоявшееся 2 сентября 1898 года. В нем британцы применили доселе неизвестное оружие – пулеметы «Максим» и уничтожили более сорока тысяч солдат противника (Махди Суданского), потеряв сорок своих. В сражении лично участвовал Уинстон Черчилль, тогда военный корреспондент. Это сражение считается вершиной британской военной мощи – через два года начнется англо-бурская война, в которой англичане понесут неожиданно тяжелые потери от партизанских отрядов и снайперов. Через пятьдесят лет империя начнет сыпаться.

Теннисный клуб «Коринф» находился на одном из полуостровов недалеко от Манхэттена и представлял собой уникальное место – почти деревенская идиллия в нескольких милях от одного из самых крупных мегаполисов мира. Это был заповедник миллионеров, миллионеров совершенно особенных, миллионеров со старыми деньгами и старыми корнями. Тех, кто заработал деньги на строительной лихорадке двадцатых, на поставках Первой и Второй мировых войн. Потом денежный вихрь переместился южнее, сначала в Техас, где зарабатывали на нефти, а потом и в Калифорнию, где зарабатывали на оборонных программах и компьютерных технологиях. Вот только компьютерные миллиардеры и те, кого они спонсировали, заигрались во власть настолько, что поставили страну на грань катастрофы. И настало время навести порядок – пока не поздно.

Старая гвардия тихо брала власть в свои руки, хотя мало кто это замечал. В шестнадцатом году на президентских выборах победил очень странный тандем. Первым стал этнический мексиканец, один из немногих мексиканцев в Конгрессе, достаточно прогрессивный и либеральный человек с Западного побережья. Вторым – совершенно непроходной кандидат, профессиональный юрист, биржевой игрок и мультимиллионер, отпрыск богатой и влиятельной семьи с Восточного побережья. Мало кто знал, что ставка сделана именно на него. Мексиканец был лишь прикрытием, выставленным вперед для того, чтобы привлечь голоса этнических мень-

шинств, в том числе все более разрастающейся мексиканской общины. Уже первые назначения в новой администрации заставили вашингтонских скептиков насторожиться – на все посты в силовом и внешнеполитическом блоке прошли люди вице-президента США. Одним из них был директор Национальной тайной службы, влиятельный адвокат, некогда мэр одного из небольших городов, темная лошадка американской политической сцены, но тоже биржевой игрок и мультимиллионер из «старой гвардии». Именно он пригласил своего собеседника в теннисный клуб «Коринф», куда он прибыл с секретной базы морских котиков неподалеку, – как полномочный представитель администрации он был направлен туда, чтобы отдать дань памяти тем, кто не вернулся с поля боя. В теннисном клубе «Коринф» рады видеть не каждого – это закрытое заведение. Но нынешний директор «НТС», которого сравнивали с Алленом Даллесом, был членом клуба, так как имел поместье неподалеку. Одно из многих...

Его собеседником был относительно молодой (немного за сорок) человек с приятным, но незаметным лицом. Он пил содовую, в которой было много льда и лишь капля (для цвета) виски, и старался не встречаться взглядом с дамами, которые осматривали новичка так же беззастенчиво и нагло, как домохозяйка осматривает добрый кусок говяжьей вырезки в лавке. Ко всему прочему – одетыми их можно было назвать лишь с очень большой натяжкой: местные теннисные

костюмы для дам были на самой грани приличия.

Что же касается директора «НТС» – то он вел себя совершенно раскованно, уже успев расцеловаться с несколькими дамами. Черные очки и львиная с проседью грива придавали ему импозантность и некую таинственность. Дамы были уже в возрасте, хотя с развитием косметологии и пластической медицины понятие это стало очень размытым, но в то же время привлекательным и даже очаровательным тем очарованием беззаботного богатства, которое дает право на некую сумасшедшинку. Было странно, что так ведет себя директор спецслужбы, но, в конце концов, он не публичный политик.

Заказали. Цены здесь были на удивление скромными для такого места, что означало: для своих. Это была цитадель. Место, куда чужому не попасть даже за очень большие деньги...

– Ты, наверное, думаешь, зачем я тебя позвал, а? – Директор разделялся с каре ягненка под каким-то там соусом.

– Понятия не имею. Может, вспомнить старые добрые времена в Йеле.

– Да уж...

Оба собеседника относились к одному и тому же социальному слою представителей «старых денег» Восточного побережья, хотя одному из них и повезло в жизни меньше, чем другому. Прадед одного из них сильно прогорел во время Великой депрессии – кое-что у семьи осталось, но на прежнюю высоту они так и не поднялись. Дед другого – вклинился

в стройные ряды техасцев, ринувшихся на освоение Ближнего Востока, и если техасцы делали бизнес с Ираком и Саудовской Аравией, то дед делал бизнес с намного более опасной страной – с Ливией Каддафи. И не только строительный, но и незаконно торговал санкционной нефтью, ливийской, и, возможно, иранской, после семьдесят девятого года. На этом он не только отыграл потери Великой депрессии, но и стал одним из немногих миллиардеров Востока, сделавших свое состояние на нефти и строительстве – обычно на Востоке делали деньги совсем на другом. Семья нового директора Национальной Тайной Службы была очень тесно связана с Востоком, сам директор свободно говорил на арабском и фарси. Его сегодняшний собеседник знал, что существует фотография, где директор – ему было всего восемь лет – сидит на коленях одного известного человека в бедуинском шатре посреди пустыни. Этого человека звали Муаммар Каддафи, и фотография – при попадании ее в прессу – была опаснее атомной бомбы. Но директор ее не уничтожил.

Что касается его собеседника – то он, как и многие представители обедневших, но знатных семей пошел на госслужбу. Сначала в Госдеп, потом – в ЦРУ. Действующего директора «НТС» он знал хорошо, даже слишком – его невеста ушла к нему, когда они учились в Йеле.

– Нет, друг... – директор обладал удивительным умением есть, говорить и при этом не выглядеть неотесанным быдлом, – я хочу поговорить с тобой о некоей стране. Догады-

ваешься, о какой именно?

– Об Украине?

– О ней самой.

Тема для разговора была. Человек, которого позвал для разговора директор, де-факто второе лицо в иерархии американской разведки, был начальником станции в Киеве, когда все начало рассыпаться, как карточный домик.

– Кого-то в Вашингтоне интересует мое мнение?

– Сегодня – да.

Директор отрезал кусочек мяса, отправил в рот и прожевал.

– Например, меня.

Его собеседник откинулся на стуле назад.

– С чего, Марк? Там уже нечего ловить.

– Ну, почему же. Ловить там как раз есть чего. Но дело не в этом. Ты слышал про «Глобальный щит»?

Бывший начальник станции ЦРУ на Украине кивнул. Программа с большой помпой была анонсирована три года назад, когда и Китай и Россия вышли из-под контроля, и это стало понятно любому дураку. Тогда Америка – впервые за много лет почувствовала себя очень неуютно. Программа предполагала полное перевооружение армии США, по масштабу сравнимое с тем, что проходило после Вьетнама в восьмидесятые. Цель этой программы – достичь стратегического превосходства США и западного мира в целом над блоком Россия – Китай и нейтрализовать возросшую угрозу.

Превосходство – планировалось именно стратегическое за счет таких средств, как «глобальный неядерный удар», снайперские винтовки с управляемыми пулями, костюмы-невидимки, летающие БМП и многое другое.

– Мы вынуждены сократить оборонный бюджет, – в лоб сказал директор, – на двадцать процентов на следующий год и по десять – в каждые последующие три. Ситуация в экономике такова, что мы не можем позволить себе не только перевооружение, но даже и поддержание стратегического паритета.

Сказать, что бывший начальник станции ЦРУ на Украине был ошеломлен, – это не сказать ничего. В последнее время экономика США пусть не так быстро, как хотелось бы, но набирала ход. Локомотивов было два – Интернет вещей и беспилотный электротранспорт. Первый предусматривал глобальное проникновение товаров: крупнейшие американские торговые компании уверенно шли к тому, что любой товар, произведенный в любом месте, – должен быть доступен любому потребителю, у которого есть Интернет, – причем как цель была провозглашена суточная доступность. То есть ты заходил в интернет-магазин, кликал на понравившуюся вещь, и ровно через сутки, не больше, она должна была быть у тебя перед дверьми. Эта гигантская программа предполагала логистику совершенно нового уровня, в ней предусматривалась даже доставка до дверей беспилотниками. Второй локомотив – беспилотный электротранспорт – предусматри-

вал замену обычных машин с ДВС – на электромобили нового типа. Уникальным предложением были бесплатные заправки: платить надо было, только если заправиться надо было быстро. Если ты готов был оставить машину на заправке на несколько часов или покупал ветряк для дома или солнечную батарею, то могло получиться так, что на бензин ты мог не тратить ни цента. Более того – планировалось создать что-то вроде заправок на хайвеях, которые могли использоваться для подзарядки движущихся машин, – тоже бесплатно! Энергию планировалось получать от ветряков и солнца. И, наконец, полностью автоматизированные машины с автопилотом, которыми можно было пользоваться, даже не имея прав. Все эти уникальные технологии – виделись «второй компьютерной революцией» и обещали новое американское лидерство как минимум на поколение!

Тогда почему же директор – человек, допущенный в самые верха, – столь мрачен. Почему США не могут себе позволить не только гонку вооружений, но даже и поддержание стратегического паритета?

– Что произошло, Марк?

– Да много чего. Точнее, пока ничего, но мы должны попытаться сбросить лишний баланс с корабля до того, как он начнет тонуть. Ты слышал про дело «Чейн Энерджи»?

Собеседник директора, адвокат и профессиональный инвестор, просек моментально – речь шла о полномасштабном расследовании, которое вели ФБР и «SEC», комиссия

по ценным бумагам и биржам по деятельности «Чейн Энерджи», глобальной энергетической корпорации. Ее легендарный основатель Питер Чейн в девяностые занимался какими-то темными делами на пространстве бывшего СССР, бурил в России, в Таджикистане, в Казахстане, был одним из тех, кто лоббировал проект газопровода из Средней Азии в Пакистан через Афганистан, имел какие-то дела с нефтью стран санкционного списка. Затем он демонстративно свернул всю деятельность и начал заниматься «нетрадиционными месторождениями» нефти и газа и нетрадиционными способами их добычи. Он подхватил довольно модную тему нетрадиционных запасов – и оказался самым удачливым из всех, кто ее развивал. Его компании приходили на месторождения, которые считались исчерпанными, – и они давали нефть! Еще в прошлом году акции компании были в числе десяти наиболее успешных, а капитализация компании на какой-то момент превзошла капитализацию гиганта «Эксон Мобил». Питер Чейн был мастером пиара, он самолично появлялся на телеэкране и заявлял, что все предупреждения ученых о глобальном энергетическом коллапсе – это не более чем бред, они просто не знают, как добывать нефть. А он, Пит Чейн, – знает. Тревожный звоночек прозвенел, когда произошла авария... точнее, не авария, а довольно сильное землетрясение недалеко от одного из нетрадиционных месторождений. Землетрясение с человеческими жертвами. За расследование взялось ФБР – и с тех пор акции компании

упорно не поднимались к прежним уровням. Искушенные биржевые лисы, которые управляли своими деньгами, а не деньгами пенсионных фондов учителей, выходили из «Чейн Энерджи», оставляя тонущий корабль первыми.

– Все так плохо? – спокойно осведомился бывший начальник станции ЦРУ на Украине

– Хуже некуда, – сказал директор, – это хуже «Энрона»²². Мы на краю бездны.

Какой именно – говорить не приходилось. Любой биржевик помнил, чем кончилось дело «Энрона».

– ... ФБР по нашей просьбе нажало на тормоза, но только до выборов. После выборов бомба рванет. Это первое. И второе – Саудовская Аравия. Нам удалось достать данные аудита запасов.

– И?

Директор только покачал головой. Все было понятно без слов – Саудовская Аравия еще в восьмидесятых отказалась проводить независимый аудит запасов. Всю нефть в Саудовской Аравии качают не нефтяные мейджоры, а государственная компания «Сауди АРАМКО». Примерно до середины нулевых данные удавалось достать, потому что большую часть сотрудников – тех, кто реально делал дела, а не занимал кабинеты, – составляли американцы. Но после на-

²² Дело о банкротстве «Энрона» (2001 год) – одно из крупнейших банкротств в мировой истории, ставшее спусковым крючком биржевого кризиса 2001 года. Суть дела в том, что компания систематически, на протяжении многих лет фальсифицировала отчетность и обманывала инвесторов.

чала войны в Ираке саудиты сказали, что больше в услугах иностранного менеджмента не нуждаются. С тех пор достоверной информации по запасам Саудовской Аравии практически не было. Хотя техасские профи загадочно ухмылялись – когда обрывками приходила информация о том, что саудиты закачивают морскую воду в пласты.

Теперь, похоже, наступил час расплаты. Если станет известным, что саудовская кубышка пуста, цены на нефть за несколько дней взлетят до двухсот, а в течение года могут прийти и до трехсот долларов за баррель.

Причем, что самое плохое – большая часть нефти будет у врагов США. Русские – первые в мире по запасам сланцевой нефти и у них есть не освоенная и толком не разведанная арктическая кладовая. Каспий – полностью контролируют они и Иран. Ирак с его громадными запасами, которые были под санкциями больше десяти лет при Саддаме, – получается, что они больше саудовских, вопрос – насколько. Ирак ненавидит США и блокируется с Китаем и Россией. Громадное нефтегазовое месторождение Левиафан в Средиземном море – куски у Сирии, Ливана и Израиля, основной разработчик – Газпром. Израиль – может считаться нашим лишь с большой натяжкой, мы сами их кинули в свое время, и они прекрасно это помнят. Ливия – там вот-вот начнется восстание каддафистов, радикально антизападное.

Можно, конечно, опереться на Мексику, Венесуэлу и огромные прибрежные месторождения Бразилии. Но это

еще вопрос – можно ли. В Латинскую Америку заходит Китай, все сильнее антиамериканские настроения.

И это еще ничего. Что будет с Европой, у которой собственных надежных источников нефти нет вообще? Как только включат свет и тараканы бросятся в разные стороны, у Европы останется лишь два пути. Либо общеевропейская война против России (и против Китая), либо рабская зависимость от России. Которая вовсе не испытывает дружеских чувств к Европе после всего произошедшего на Украине.

– Вопрос обстоит сегодня так. – Директор положил вилку и нож, заговорил очень тихо, но внушительно: – Или мы вовремя перестанем бряцать оружием и пойдем на компромисс, или проиграем Вторую холодную войну. Пока нас воспринимают как сильного игрока – надо договариваться. Как только все это рванет – нас просто растопчут. Каждому шакалу захочется своего куска мяса. Нашего мяса.

Бывший начальник станции ЦРУ на Украине утвердительно кивнул. Он понимал, что дело плохо, но не представлял, насколько плохо.

– Это противоречит всему прежнему курсу администрации, – сказал он, – лоббисты просто взбесятся.

– Да в ж... прежний курс администрации – откровенно и зло сказал директор, – надо быть умнее. Америка была сильна, когда занималась бизнесом, а не отстаивала права меньшинств и всяких уродов в своих долбостанах. Пусть Европа этим занимается, если ей так приспичило стать совестью

всего этого гребаного мира. Но без нас! Мой дед сделал миллиарды на том, что проводил дороги и строил города в таких местах, которых и на картах-то нет. Он целовал в ж... Каддафи и выходил из его палатки с подписанными контрактами на десятки миллионов. А эти уроды лоббисты за всю жизнь дайма²³ своими руками не заработали! Какого хрена я или кто-то другой должны их слушать?! Мне плевать на них! Мне плевать на Украину и на всю Восточную Европу. И на Западную тоже, если честно. Там уже все построено. Когда эти уроды смотрят на Россию – они видят врага. Когда я смотрю на Россию – я вижу, что у них нет нормальных дорог. Это понятно?

– Более чем.

– Более того, это разумно. Мы больше не можем держать линию обороны, но они об этом не знают. Самое время договариваться о мире. Как только станет понятно, что дешевой нефти нет и не будет – европейцы засунут в ж... всю свою гордость и приползут в Кремль на коленях. Это те еще сукины дети. Но мы хотим, чтобы, когда они это сделают, из кремлевских ворот выходил Дядя Сэм. С улыбкой на все тридцать два зуба и толстой пачкой подписанных контрактов. Таким образом, мы не только не свалимся в депрессию, но и откроем для американских компаний огромный и неосвоенный рынок. Надо торговаться – пока на руках есть козыри. И пока Европа первой не поняла, что происходит.

²³ 10 центов.

От внимания бывшего начальника станции ЦРУ на Украине не ускользнуло «мы хотим». Это значило, что озвученный сейчас политический курс – это не курс директора «НТС» – а курс команды вице-президента США. На сегодняшний день – самого опасного человека в Вашингтонском политическом раскладе. Опасного потому, что в Конституции не существует никаких сдержек и никаких противовесов для вице-президента США. И потому, что вся команда вице-президента была набрана из богатеев и в деньгах лоббистов они не нуждались. Это позволяло им идти собственным курсом.

– Я понимаю. Но при чем тут Украина?

– При том, – директор промокнул салфеткой губы, тонкие и бескровные, – сейчас это самая горячая точка Европы. Иг-ра начнется от нее.

...

– Что произошло на Украине? Ты был там, когда все это началось. Для начала я хочу выслушать тебя, а не убудка аналитика.

Бывший начальник станции ЦРУ на Украине тяжело вздохнул. Это был вопрос, на который не было простых ответов.

– Ты представляешь, кто такие люди с холмов?²⁴

²⁴ Одно из названий групп американских южан, которые живут, полностью игнорируя государство. Они живут в сельской местности, не получают водительские права (а паспорт американский гражданин получает при поездках за рубеж), не платят налоги, занимаются самогонованием и выращиванием марихуаны,

Директор кивнул

– Вот примерно таких людей мы привели к власти на Украине в тринадцатом. Жители Запада, Галиции. Они тоже жили в горах и на холмах, занимались в основном сельским хозяйством, а их деды были нацистами, частью гитлеровской карательной машины. Потом – боролись с русскими. Они патриоты? Да, безусловно. Вы хотели бы их видеть у руля страны? Ответ на этот вопрос сам для себя, Марк.

– Черт... – сказал директор, помолчав несколько секунд. – На самом деле все так плохо?

– Да. Теперь, после того как пролилась кровь, – еще хуже. Это нацисты. Конечно, не следует сбрасывать со счетов обстоятельства, в которых они оказались, но они сделали выбор полностью сознательно и в соответствии со своими традициями. Они нацисты, Марк, и от этого никуда не денешься. Я предупреждал, но меня не послушали.

– Вот только не надо этого, хорошо? – скривился директор. – Вопрос в том, что мы будем делать с этим сейчас.

– Разреши, Марк? У нас есть одна ошибка, общая для всех таких ситуаций. Когда мы начинаем разбираться в каком-то клубке, которому уже лет триста, – мы чаще всего ни хрена не знаем о том, что происходило там до этого. И мы делаем ошибку – мы принимаем во внимание мнение не большинства, а того, кто громче кричит. Его мы и принимаем за

разборкой угнанных машин. При этом – они ультрапатриоты, есть даже религиозная секта, где вместо Библии – Конституция США!

большинство.

– Если верить тому, что посылает нам киевская станция, – страна полностью под контролем, договоренности о стабилизации в основном выполняются, – в то же время террористы, спонсируемые русскими, постоянно провоцируют новые власти Украины на ответные действия и не дают восстановиться законности и правопорядку.

– Какой законности, Марк? Помнишь, что сказал Мартин Лютер Кинг? Все, что делал Гитлер в фашистской Германии, – все это было законным.

– По-твоему, чего нам ждать?

– Войны. Рано или поздно. Котел на огне – огонь никто не погасил.

Директор махнул рукой, подзывая официанта. Какая-то шумная компания зашла в обеденный зал клуба – и им пришлось пережить процедуру раскланивания, поцелуев в щеку и представления новичка. Директор представил его как адвоката, и вопросов не было ни у кого – богатым нужен адвокат почти постоянно.

– Белый дом, – прежним негромким, но уверенным голосом заговорил директор, – нуждается в достоверной информации с Украины. Сейчас у нас сложилось мнение, что мы не получаем ее. Чтобы быть готовым к переговорам с русскими, мы должны понимать, чем мы можем пожертвовать и что мы можем отдать. Это должно быть что-то существенное.

Директор помолчал и добавил:

– Ошибка последних тридцати лет в ведении дел с русскими – мы предлагали им полное фуфло или вообще ничего – а в обмен хотели что-то ценное. Любой, кто сам зарабатывает на жизнь, самый последний лавочник знает, что так дела не делаются. Обмани клиента – и больше он к тебе не вернется. Украина – первая в списке, что мы можем отдать русским. Она нам не нужна – это обуза. Режим, сомнительный с политической и этической точек зрения, почти никакой экономической отдачи.

– Украину нельзя просто так «отдать» – они будут воевать. И не только они – но и вся Восточная Европа.

Директор улыбнулся и поманил своего собеседника пальцем, когда тот склонился, громко прошептал:

– А нам плевать на это...

И улыбнулся, как хорошо пообедавший лев.

– Тогда зачем тебе я?

– Как ты смотришь на то, чтобы вернуться на госслужбу?

– В качестве кого?

– В качестве посла Соединенных Штатов на Украине. И – нашего личного посла.

Опять «нашего».

– А как будет воспринят отзыв действующего посла?

– А нам плевать, как он будет воспринят. Твоя задача будет – осмотреться на месте и помочь нам принять решение. Как нам выйти из этой стремной ситуации с минимумом потерь и с максимумом бонусов. Со своей стороны – как толь-

ко ситуация начнет обостряться – мы предупредим кузенов и всю Европу, чтобы нажали на тормоза. Кто не послушает – тот пусть потом пеняет на себя. Короче, ты понял.

Директор снова понизил голос

– Соглашайся, Дейв, не будь идиотом. Я дал тебе сегодня пару идей, как заработать миллионы и сильно поправить свой банковский счет. Не будь дураком. И не разочаровывай меня, о'кей?

Бывший начальник станции ЦРУ на Украине Дэйвид Гастингс понял, что все уже решено и рыпаться не стоит. Может, оно и к лучшему.

– О'кей. О'кей...

Украина, аэропорт Борисполь

03 июня 2020 года

Процедура назначения нового посла на Украине прошла в максимально сжатые, почти невыносимые для Вашингтона сроки – что лишний раз свидетельствовало о влиятельности и возможностях команды вице-президента США. Вчера его пригласили в Белый дом, где он имел почти часовую беседу с президентом США (из которой он заключил, что президент с трудом понимает, что такое Украина, вероятно, даже не знает точное ее место расположения). После чего – прямо из Белого дома его отвезли на базу «Эндрюс», где его ждал «Боинг». Для того чтобы не обвинили в излишней расточительности, в самолет загрузили десяток тонн гуманитарки. Чисто вашингтонское решение проблемы расточительности – неудивительно, что страна в долговой яме.

За время перелета – база ВВС «Лейкенхерст», там дозаправка и только потом – на Киев – он много думал. Он любил Киев, любил эту страну и ее незлобивый народ, Киев был одним из немногих городов за пределами США, где он чувствовал себя как дома. Он понимал, что в стране есть проблемы, и очень серьезные проблемы, он понимал и то, что предлагаемыми методами – содействовать максимально-му сближению страны с ЕС – проблем не решить. Украинцы

были слишком бедным и слишком молодым народом, чтобы создать у себя зрелое демократическое общество. Путь к демократии должен был быть очень осторожным, особенно с учетом раскола страны, политика украинизации – ни в коем случае не агрессивной. Он считал ошибкой насаждать украинский язык, в то время как часть населения страны говорит на другом – в конце концов, в США никогда не было одного государственного языка, и от этого они не становились менее американцами. На президентских выборах постоянно крутили ролики, рекламирующие кандидатов на испанском, – и ничего такого в этом не было. Следовало выжимать максимум в области экономики, сотрудничая с теми, кто готов был сотрудничать, даже если это была Россия. Он понимал, что молодой украинский народ инстинктивно стремился отшатнуться от России, чтобы сохранить свою пока еще очень непрочную независимость. Но ситуация требовала другого – у русских были деньги, и нельзя было это игнорировать. Украина могла развиваться как «другая Россия», более свободная, более открытая, более толерантная и демократическая, но для этого Украине надо было перестать насаждать украинский язык и табуировать общественное противостояние русской и украинской части общества. Тогда русские бизнесмены могли бы начать вкладывать в Украину деньги – в расчете на будущий выход на рынки ЕС. Ничего этого сделано не было. Вместо этого – случилась ситуация, при которой одна часть страны пошла войной на другую. И в этой

войне наблюдатели как-то забыли о том, что существует и другая правда Украины, и о том, что свергнутая власть – какой бы она ни была – была избрана при помощи стандартных демократических процедур, как и в любой другой стране мира. Пришедшие к власти путчисты не проявили мудрость и даже не попытались объединить страну, опасно балансирующую на краю пропасти. Вместо этого они заняли одну сторону – и это стало прологом к гражданской войне.

Как бывший начальник станции ЦРУ на Украине и доктор политологии Дэйвид Уолшо Гастингс имел более зрелый и глубокий взгляд на то, что происходило на Украине в последние годы, и взгляд этот сильно отличался от того, что преподносили в новостях. Конечно, была виновата Россия – хотя и явно не в той мере, как это думали на Западе. Украина как государство – могла состояться лишь при активной и благожелательной помощи России, и помощь эта должна была быть направлена именно на обеспечение существования Украины, а не ее раскола. В девяностые – за редкими исключениями так все и было, казалось, что Россия смирилась с распадом СССР и не пыталась восстановить все заново. Но в новом тысячелетии все изменилось. Они – Запад – недооценили Россию по многим параметрам. Недооценили то, как ошеломляюще быстро она смогла воспользоваться непростой ситуацией в мире и снова прорваться в высшую лигу. Недооценили то, сколько боли, гнева и ненависти накопили русские за девяностые годы, как они вознена-

видели тех, кто пытался учить их демократии. Нередко западные политологи рассуждали, что русские совсем другие, что они всего лишь терпят авторитарную диктатуру, но он-то работал в те годы в Киеве, неоднократно бывал в России, знал русский. Феномен Путина, который пытались разгадать многие западные политологи, был прост: он и в самом деле пользовался поддержкой большинства. За него и в самом деле голосовали на выборах. Он и в самом деле делал то, что от него ожидало большинство, – на меньшинства и их требования он просто не обращал внимания, как и на Запад. Русские и в самом деле жаждали реванша, и таких было большинство. И им было, в общем-то, плевать, каким именно будет реванш. Путин начал действовать на Украине – и большинство захлопало в ладоши. Они поверили в то, что им говорили, потому что хотели верить. Хуже всего было то, что процентов семьдесят из того, что говорили, – и в самом деле было правдой.

Сменивший Ельцина бывший офицер КГБ действовал неторопливо и последовательно. Он скорее даже не действовал – он ждал ошибки противника. Запад – ошибся в две тысячи четвертом, поддержав Майдан, – Украина не была к нему готова. Россия сполна воспользовалась хаосом и дракой в украинских верхах – русские начали последовательно проводить политику по подрыву конкурентоспособности Украины. Затем – в обнищавшей стране случился второй Майдан, более жестокий и кровавый, чем первый. Он слу-

чился на фоне усугубляющегося геополитического кризиса, хаоса, потери лидерства со стороны США, в тяжелой экономической ситуации. И тут Россия сделала первый бросок, введя войска в Крым. Многие заставили себя поверить в то, что этим все и ограничится, но это было не так. Надо было предполагать, как быстро и сильно утратившая часть территории страна качнется к крайним формам авторитаризма. Полный набор условий для возникновения фашизма: экономический хаос, деградация власти, национальное унижение. Вдобавок – русские начали проводить неброские, но чрезвычайно эффективные операции на востоке страны по созданию подконтрольного им сопротивления...

Виновата была сама Украина. Они все-таки поддались соблазнам – и не раз, они поддавались им раз за разом. Соблазнам решить все и сразу. Соблазнам поставить этнические приоритеты выше экономических. Соблазнам поверить, что в Европе их действительно ждут.

Почти неизвестную, но страшную по своим последствиям роль в украинской трагедии сыграл Запад. Он, хорошо знающий вашингтонские политические лабиринты, кто и как там принимает решения, неплохо знающий и Брюссель, меньше всего был склонен идеализировать и оправдывать действия своей страны и действия европейских стран. Их действия были страшны прежде всего пустотой и безответственностью. У них не было ресурсов – но они по-прежнему тащили Украину к себе, нередко обманывая ее и кормя пустыми

обещаниями. У них не было ресурсов воздействия на Россию – они не могли остановить Путина и знали об этом – но они продолжали играть. Все это сильно напоминало парня в Лас-Вегасе, отчаянно блефующего при пустых карманах. Никто не думал, что Путин применит силу – но он ее применил, и они не смогли ответить. Утратили контроль над ситуацией не только в Центральной Европе – но и по всему миру. Создали опасный прецедент. Теперь – они уже пожинали плоды.

По-хорошему – надо было предоставить Украину самой себе. Помогать, но не форсировать события. Демократия – все равно что беременность. Ее нельзя привнести извне. Ее нельзя ускорить. Ее не может быть, если в стране нет гражданского общества. Ее не может быть, если в стране расколотое на две части общество. Ее не может быть, если в стране нищета. По-хорошему – Украине надо было лет тридцать спокойного, последовательного развития, в тесном сотрудничестве с Россией, чтобы потом сделать осознанный и не оскорбляющий никого выбор. Надо было, чтобы сменилось поколение, а еще лучше два. Чтобы люди забыли про коммунистическое прошлое. Только тогда можно было что-то делать. Сейчас же – Гастингс был в этом абсолютно уверен – именно советское прошлое, именно коммунизм с его безапелляционностью, неуважением к закону, агрессивной охотой на ведьм, неуважением к собственности, склонностью к чрезвычайным мерам – сделал возможным появление на

Украине нацизма. Они делали все, чтобы Украина никогда не вернулась к коммунизму, но вместо этого получили уродливый рецидив прошлого.

Плохо...

«VC135» на котором он летел, был в модификации, предназначенной для перевозок в условиях ядерной войны, и потому, несмотря на приличный пассажирский отсек, в нем не было иллюминаторов. И когда самолет совершил посадку в Борисполе и он вышел на трап – испытал нечто вроде шока. Шок был связан с узнаванием... он начинал в Багдаде, в две тысячи четвертом. Мог сравнивать...

Это был «БИАП»²⁵, каким-то чудом перенесенный на украинскую землю оттуда, из мрачной тьмы Багдада. Все то же самое – залатанные плитами полосы и рулежки, заложённые кирпичом некогда шикарные, остекленные стены, огромные «HESCO» – мешки с песком, защищающие от обстрелов. Едва заметные, похожие на черных жуков снайперы на терминалах, вертолеты вперемешку с самолетами, разнообразие эмблем на огромных хвостовых плавниках «Антоновых» и «Ильюшиных» – как и в Ираке, перевозками, видимо, занимались малопонятные чартерные фирмы. Это был оплот. Оплот Запада посреди воюющего и враждебного государства. Любой, кто побывал в Ираке, – при виде этого понимал, что все пропало. Все – даже если сейчас кажется, что это не так. Им конец. Как в Ираке, где они лили кровь

²⁵ Легендарный Багдадский международный.

семь лет, но так ничего и не добились. Как в Афганистане – этим потребовалось двенадцать, но результат был еще более сокрушительным. Мира здесь нет. А значит – уже и не будет. Никогда. Они снова вляпались. В то же самое. Они выиграли войну – но проиграют мир. Это будет. В современном мире военное поражение одной стороны не означает конца войны. Война только начинается.

– Сэр...

Он дернулся... Проклятые воспоминания. Его коллегу разорвали около шиитской мечети в день «Ашура» – день гибели имама Хусейна, родственника пророка Мухаммеда, шиитского святого и мученика, павшего в междоусобной войне на равнинах близ Кербелы. Полторы тысячи лет спустя кто-то крикнул в толпе, что этот человек шпион – и шииты бросились на него с палками и ножами. Его убивали в нескольких метрах от него, а он стоял и смотрел на это. У него был пистолет – но он знал, что если он попытается им воспользоваться, то сам тотчас же окажется на его месте. В пистолете было десять патронов. А шиитов было не менее двух тысяч...

– Сэр, здесь нельзя стоять.

– Да...

Он спустился вниз. Машины уже ждали его – два черных «Шевроле Сабербан» с флажками США и три тяжелых китайских «Форда» – рабочая лошадка контрактников во всем мире. На «Фордах» были сняты задняя дверь и задние боко-

вые – внутри была бронекapsула и в ней – люки с бойницами. Все как в Ираке...

– Сэр...

Бородатый, в черных очках человек, держащий на груди короткоствольный автомат Калашникова, – протянул огромную, с лопату, руку.

– Кевин Халл, ваш менеджер по безопасности. «ХЕ Секьюрити». Прошу в машину.

Новый посол задержал руку здоровяка в своей. На руке была видна татуировка, написанное арабским алфавитом слово «Аллах». Посол не видел другой руки – но он знал, что там написано «Велик». Аллах велик.

– Ирак?

– Да, сэр... начинал там.

Посол улыбнулся:

– Я тоже. Багдад, четвертый, пятый и седьмой.

– Мы шарились в основном севернее, сэр. Тикрит и Рамади. Добро пожаловать в Юкрейн...

Бронированная дверь – отсекала от внешнего мира. Посол заметил, как техники уже открыли грузовой люк и начали выгрузку гуманитарки. Последней мыслью перед тем, как машина тронулась, было: господи, у них же черноземный клин, они зерно экспортировали...

Часы тикали...

Пройдя КП, вырвались на площадку перед аэропортом –

теперь все клумбы были снесены, голая земля. Затем – набирая ход, ушли в поворот, на Бориспольскую трассу. Путепровод на повороте – был обрушен и не восстанавливался.

Пошли по трассе, быстро набирая почти предельные для бронированных машин сто шестьдесят. Как и в Ираке гнали очень быстро – так меньше шансов попасть в засаду. Один из «Фордов» обогнал их, сзади – в открытом люке бронекapsулы торчал ствол пулемета и ниже – был транспарант.

100 метров! Не приближаться! Стреляю!

Дорога превратилась в гудящую полосу. Раньше тут был довольно широкий разделительный газон, сейчас его полностью срыли бульдозерами и поставили ти-уоллсы по грудь человеку – в газоне легко было спрятать дорожную бомбу. Точно такие же ти-уоллсы, даже выше, рассчитанные, чтобы с одной стороны, не давать стрелять по машине, с другой – чтобы пулеметчики в башнях имели свободный сектор обстрела – были расположены по обеим сторонам дороги. Все деревья вырубил, чтобы не давать укрытие стрелкам.

Здравствуй, Украина.

Машин на дороге было немного, меньше, чем было раньше. Видимо, топлива было мало, топливо было дорогое. Над дорогой раньше были путепроводы, сейчас один был обрушен, другой – огорожен стеной выше человеческого роста – чтобы с путепровода не могли обстреливать идущие по трассе машины.

Новый посол США в «Юкрейн» опустил бронестекло, от-

деляющее его защищенную зону от передних сидений.

– Террористов здесь много?

– Не так много, как можно ожидать, сэр. Основные проблемы сосредоточены восточнее, здесь все-таки террористам не разгуляться. Киев и вовсе почти безопасен. Ну, если брать по иракским меркам...

Тогда что же вы здесь делаете, ребята...

Машины, просквозив по Бориспольской трассе, ворвались в древний город Киев, как армия завоевателей...

Когда посол Гастингс только сел в машину, рядом с огромным «Боингом» уже кипела работа. Летные техники откинули в сторону огромный, на целый сегмент фюзеляжа люк, подогнали стандартный погрузчик. Для быстроты погрузки – гуманитарка была упакована на стандартных палетах и представляла собой частично почти просроченные пайки «MRE», армейские пайки, название которых армейские умники переводили «блюда, которые не станут есть даже эфиопы», частично гуманитарные пайки ООН А-пак, которые использовали в зонах стихийных бедствий, частично – мешки с «юнимиксом». Последний представлял собой смесь кукурузной и соевой муки (с ГМО, естественно), специально разработанный для помощи голодающим. До этого – «юнимиксом» кормили только отсталые страны Африки, в которых местные племена поссорились между собой или попался слишком жестокий диктатор.

Грузили на машины, которые принадлежали гуманитарной организации «Врачи без границ» – в Чечне их называли «враги без границ», но тут были рады любой помощи. Пока менеджер конвоя – поляк – следил за погрузкой, к нему подбежал один из водителей. Ради экономии средств водителей нанимали местных.

– Пан Вроцлав! Пока погрузка идет, разрешите... – И кивнул в сторону, там, где была канава.

Поляк презрительно скривился. Местные... у них все всегда не слава богу. Просто удивительно ленивый и разгильдяйный народ.

– Иди. Только быстро.

– Ага. Дякую, пан Вроцлав.

Отбежав в сторону и присев за кустиком, водитель достал из кармана телефон и быстро поменял карточку. Набрал по памяти номер.

– Гости приехали. Только что выехали.

Не дожидаясь ответа, нажал на отбой, снова достал карточку. Ее он выкинет по дороге. Несмотря на тотальное прослушивание всех телефонов, выжать из этого разговора было решительно нечего.

Телефонный звонок приняли в одной из квартир спального района на правом берегу Днепра. Просто выслушали и, ни слова не говоря, повесили трубку. Все было понятно – настало время действовать.

В квартире было четверо, трое парней и девушка. Ни одному из них по виду нет и тридцати. Особенно выделялась девушка – типичная украинская «дивчина» с крутыми бедрами и сшибающим с ног наповал обжигающим взглядом черных глаз. Точно такие же – во множестве выезжали из страны, чтобы работать на рынках секс-услуг от Шанхая до Нью-Йорка²⁶. Но не она. Она выбрала борьбу, и на ее руках уже была кровь. Много крови. Когда видишь такую дивчину, думаешь только о том, как затащить ее в кровать... и не предполагаешь, что в сумочке у нее может быть пистолет с глушителем вместо большой упаковки презервативов.

Когда поймешь – поздно будет.

Приняв звонок, девушка зашла в большую комнату трехэтажной квартиры в хрущобе, где от нечего делать играли в «Баттлфилд 6» трое парней.

– Он приехал.

В хриплом голосе звучала неподдельная ненависть.

Трое – один долговязый, тощий, как хлыст, остальные обычного вида, непримечательные – отложили пульты и лазерные пистолеты. Встали. Начали собираться. Долговязый накинул на плечи спецовку, еще один – взял валявшийся тут же мотоциклетный шлем с глухим забралом. Роли были давно расписаны, они охотились вместе давно и знали, кто и что

²⁶ По непроверенным данным, на сегодня каждая четвертая профессиональная проститутка в мире – украинка. Вот во что превратилась страна, захваченная бандеровцами.

должен делать.

– Сверим часы...

Сверили часы. Затем проверили, как работают телефоны, и переключили их в бесшумный режим. Не вовремя заработавший телефон может сорвать все.

– Хвыля, идешь первым. Затем ты. Мы с Красой – последнее.

– Да понял...

Хвыля, с мотоциклетным шлемом, мрачно осмотревшись, вышел первым. Он был наводчиком – на своем неказистом, но мощном скутере. Следом вышел долгоязыый Воля – он был водителем, у него были на законных основаниях «ФИ-АТ Дукато» и пропуск в центр города – чтобы подъезжать к рынкам и магазинам. У него так же было зарегистрировано ФОП, и он на самом деле работал, закупал продовольствие на оптовых базах и у многочисленных ооновцев-гуманитарщиков, которые толкали большую часть гуманитарки налево – а потом развозил по магазинам и продавал. Но утруждать себя он не утруждался – работал так, чтобы на минимальном уровне обеспечить себя, не более. Ему нужна была крыша.

Третий – не лишенный привлекательности хлопец с рыжиной в волосах, которого в группе звали Дуст, – выходя, довольно настойчиво прихватил Красу, та оттолкнула его.

– Эй...

– Я сказала – нет! – отрезала она.

– Да брось. Ты же красивая баба. Нас, может, завтра на

Крещатике повесят...

Она сунула ему ключи и молча прошла мимо. Из образа «фифы» выбивались только удобные кроссовки – на шпильках особо не побегаешь. А так – леггинсы, куртка, пропуск в центр города выдавали в ней представительницу древнейшей профессии, которой повезло раздобыть пропуск и которая теперь ложилась не под «щирых хлопцев» – а под многочисленных военных, гуманитарщиков и дипломатов, которыми кишел центр Киева. Мечта огромного количества украинских женщин – валютная проститутка.

Они вышли из подъезда – поодиночке, чтобы не привлекать внимания. Впрочем, если бы даже кто-то и обратил на это внимание, вопрос решился бы просто – проститутка, она и есть проститутка, чтобы мужиков в дом таскать. В базе данных «представительниц древнейшей профессии» она числилась, один раз ее задержали во время показательного рейда. Рейд этот проводили местные полиция и хлопцы Нацгвардии под лозунгом «чистоты крови», и закончилось все тем, что их развезли по базам бандеровцев близ Киева и несколько дней насиловали. Родившиеся в глухом захолустье, в одном из самых нищих и захудалых уголков Европы, молодые подонки подрастали и ехали в Киев – потому что никакой работы кроме этой и не было. Там они проходили подготовку в лагере и становились хозяевами некогда не самой худшей страны. А хозяева – они и есть хозяева. Сдерживать себя они не считали нужным. Киев всего за десять с небольшим лет

превратился в большую и качественную помойку, где густой дух мочи и блевотины соседствует с не менее густым духом ненависти к другим людям, нетерпимости, убогости и злобы. Если ты сам не способен построить консерваторию и ходить в нее – тебе остается лишь помочиться на нее. Если ты не можешь сделать ничего: ни самолет, ни компьютер, ни автомобиль – тебе остается лишь завидовать черной завистью тем, кто это может. Разрушительный проект «Один язык, одно государство, одна нация» подошел к своему страшному завершению: они все-таки добились своего. Но добились единства не в богатой и процветающей стране – а на мерзкой и убогой помойке. Западу Украина была нужна только для противостояния с Россией.

Почему все так? Да, наверное, потому, что на Украине столкнулись два общества. Общество городов – космополитичное, в основном русскоязычное, владеющее сложной техникой. И те, кого во времена оные называли «селоки», – убогие и косноязычные жители глубинки. Обычно – в таких поистине межцивилизационных столкновениях – побеждает город, вбирая в себя избыточную людскую массу из села и переформатируя ее. Но на Украине – победило именно село. Последний известный пример победы села над городом – полпотовщина в Камбодже, закончившаяся гибелью трети населения страны (и это еще немного, многих просто не успели убить, так как пришла армия Вьетнама). Никаких предпосылок к подобному на Украине не было – но произошло имен-

но так. Украина изначально строилась как «не Россия», и это с самого начала обрекало проект на поражение – строить что-то как «не» нельзя, так можно только ломать. Украинский город – так и не смог выдвинуть некий проект, объединяющий Украину на чем-то позитивном и показывающий путь в некое светлое будущее, пусть даже и не совсем светлое – но хотя бы такое, в котором можно жить. За неимением другого взяли проект села, при всей его нетерпимости, особенно опасной для столь разноликой и многонациональной страны. Но этот проект вызвал опасное столкновение разных частей общества. Причем повторяющееся, не однократное.

Если нет нормальной идеологии – побеждает и укореняется ненормальная – просто потому, что наличие любой идеологии лучше, чем полное отсутствие таковой. В условиях краха экономики и банкротства элит власть подобрали с земли радикалы – просто потому, что у них было собранное, отмобилизованное и готовое действовать меньшинство. Большинство же – готово было вручить власть кому угодно, лишь бы прекратить весь этот позор и вялотекущее безумие, в которое погружалась, захлебываясь, страна. И надо сказать, что крайне правым – пусть они и были откровенными негодяями и фашистами – удалось навести хоть какой-то порядок в стране. Просто потому, что они были единственными, у которых была Мечта. У остальных она тоже была – но сводилась к «нацарювать бы сто руб-

лив да втичь». А у этих была совсем другая Мечта. И люди поверили в мечту – потому что больше было верить не во что и не в кого.

А потом начался кошмар.

Зарисовки

Киев

03 июня 2020 года

Американский конвой, несущийся по Киеву, проводила глазами на одной из улиц женщина. Пожилая уже, лет шестидесяти, с обильной сединой в волосах, опирающаяся на палочку при ходьбе. В глазах ее ничего не было, ни страха, ни раздражения. Только усталость...

Потом она побрела дальше. Квартира ее не сохранилась, как и у многих, – но у нее в Киеве было много знакомых с ТЕХ ДНЕЙ – и сейчас она жила у одного из них. Они до сих пор встречались, поддерживали друг друга, как могли.

Хотя могли они немногое...

На свободе она была немногим более трех месяцев. Это был ее уже второй срок, оба – за «нарушение режима безопасности». Украина была теперь свободной и демократической, и если раньше в административном порядке, без полноценного рассмотрения дела судом, без предъявления обвинения могли посадить максимум на пятнадцать суток – то теперь срок в рамках закона о чрезвычайном положении был увеличен до года. Для того чтобы оказаться в лагере – достаточно было оперативной информации «СДБ». Дело рассматривал процессуальный судья, без заседателей, без вызо-

ва обвиняемого, без участия обвинения и защиты. Приговор – хотя это нельзя было назвать приговором – обжалованию не подлежал. Вот такая демократия была сейчас на Украине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.